Зло

Автор:
Виктория Шваб

Зло

Виктория Шваб

Злодеи #1

История о ревности, страсти и суперсилах…

Виктор и Эли познакомились еще в колледже – гениальные, надменные и одинокие, они признавали только амбиции и интеллект друг друга. Став старше и разделив общую страсть к смертельно опасным опытам, они открыли теоретическую возможность приобретения сверхъестественных способностей. Но на практике все обернулось ужасающей катастрофой.

Десять лет спустя Виктор сбегает из заключения и пытается найти бывшего товарища, ставшего врагом.

Эли же преследует и уничтожает всех обладателей сверхспособностей. Теперь они, вооруженные суперсилами и подталкиваемые памятью о предательстве и потере, становятся непримиримыми врагами. Но чем закончится их дуэль и кто останется в живых?

Шваб создает грандиозный мир, совмещающий яркую стилистику комиксов и реализм нуара. Мир, в котором суперсилы не превращают тебя в героя и преданность ставится под сомнение.

Виктория Шваб

Зло

Victoria Schwab

Vicious

Copyright © 2013 by Victoria Schwab

© Черезова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

«Это роман о супергероях, который я так долго ждала, – свежий, безжалостный и, да, злой».

Мира Грант

***

Посвящается Мириам и Холли,

которые снова и снова доказывали,

что они ЭкстраОрдинарные

Жизнь – так, как она есть, – не борьба между Плохим и Хорошим, но между Плохим и Ужасным.

Иосиф Бродский

Часть первая

Водица, кровь и иные субстанции

I

Прошлой ночью

Кладбище Мирита

Виктор поправил лопаты на плече и, осторожно перешагнув через старую, просевшую могилу, продолжил свой путь через кладбище Мирита. На ходу его широкий плащ чуть развевался, он мурлыкал что-то себе под нос. Звук в темноте разносился словно ветер. Дрожа в своем мешковатом пальто, радужных легинсах и зимних сапогах, Сидни тащилась за ним. Походя на привидения, они пробирались по кладбищу: оба одинаково светловолосые и белокожие, так что их можно было бы принять за брата и сестру или, может, отца и дочь. Они не были родственниками, однако это сходство играло Виктору на руку: он ведь не мог рассказывать, что подобрал эту девчушку на обочине залитой дождем дороги всего несколько дней тому назад. Тогда он только что сбежал из тюрьмы. В нее только что стреляли и ранили. Каприз судьбы – по крайней мере, так это выглядело. На самом деле Сидни стала единственной причиной, по которой Виктор вообще начал верить в судьбу.

Он оборвал свое мурлыканье, поставил ногу на какую-то могильную плиту и всмотрелся в темноту. Не столько глазами, сколько кожей – а вернее, тем, что ползало под ней, переплеталось с его пульсом. Пусть он и перестал напевать,

само ощущение звука его не оставляло, синхронизируясь с тихим электрическим гулом, который только он способен был слышать, ощущать и интерпретировать. Этот гул сообщал ему, когда кто-то оказывался рядом.

Сидни заметила, что он чуть нахмурился.

– Мы одни? – спросила она.

Виктор моргнул, и его хмурость исчезла, сменившись привычным спокойствием. Он снял ногу с могильной плиты.

– Тут только мы и мертвецы.

Они прошли к центру кладбища. На ходу у Виктора на плече чуть постукивали лопаты. Сидни пнула ногой камень, отколовшийся от одной из самых старых плит. Она увидела, что на одной его стороне были выбиты буквы – обрывки слов. Ей захотелось узнать, что они говорят, но камень уже улетел в заросли, а Виктор быстро шагал мимо могил. Сидни побежала, догоняя его, и по дороге несколько раз чуть не упала, поскальзываясь на замерзшей земле. Виктор остановился, глядя на одну из могил. Она была свежей: земля оставалась рыхлой, и в нее воткнули временную табличку, которую затем должно будет сменить каменное надгробие.

У Сидни вырвался тихий звук – болезненный стон, вызванный отнюдь не обжигающим холодом. Виктор оглянулся и адресовал ей кривую улыбку.

– Не вешай нос, Сид, – бросил он небрежно. – Будет весело.

По правде говоря, Виктору и самому кладбища не нравились. Он не любил мертвецов – в основном потому, что никак на них не воздействовал. А вот Сидни, наоборот, не любила мертвецов именно потому, что очень заметно на них воздействовала. Сейчас она скрестила руки на груди и затянутыми в перчатку пальцами терла то место на плече, куда попала пуля. Это начало становиться нервным тиком.

Виктор повернулся и вонзил одну из лопат в землю. Вторую он перебросил Сидни, которая еле успела расцепить руки, чтобы ее поймать. Черенок лопаты

был почти с ее рост. Сидни Кларк всего через несколько дней должно было исполниться тринадцать, но даже для двенадцати лет и одиннадцати месяцев она была мелкой. Она всегда была низенькой – и это еще усугубилось тем, что она всего на два сантиметра подросла с того дня, когда умерла.

Сидни вцепилась в лопату, морщась от ее тяжести.

– Ты что, шутишь? – сказала она.

– Чем быстрее будем копать, тем раньше вернемся домой.

Дом был не то чтобы домом, а номером в отеле, где хранилась краденая одежда Сидни, упаковки с шоколадным молоком для Митча и папки с бумагами Виктора, но это значения не имело. Значение имело только то, что домом было бы любое место… за исключением кладбища Мирита. Сидни уставилась на могилу, стискивая деревянный черенок. Виктор уже начал копать.

– А что, если… – сказала она, судорожно сглатывая, – что, если другие люди случайно проснутся?

– Не проснутся, – проворковал Виктор. – Просто сосредоточься на этой могиле. И потом… – Тут он на секунду перестал копать и поднял голову. – С каких это пор ты стала бояться трупов?

– А я и не боюсь! – огрызнулась она, чересчур поспешно и со всей решительностью девчонки, которая привыкла быть младшей сестрой.

Она и была младшей сестрой. Просто не Виктора.

– Смотри на это так, – поддразнил он ее, отбрасывая землю на траву, – если ты их и разбудишь, то уйти они никуда не смогут. Давай копай.

Сидни наклонилась, так что короткие светлые волосы упали ей на глаза, и начала копать. Они работали в темноте, и тишину нарушали только мурлыканье Виктора и глухой стук лопат.

Бух.

Бух.

Бух.

II

Десять лет назад

Локлендский университет

Виктор ровной, прямой и жирной линией перечеркнул слово «чудо».

Бумага, на которой был напечатан текст, оказалась достаточно плотной, чтобы чернила сквозь нее не просачивались – если не нажимать слишком сильно. Он остановился, чтобы перечитать измененную страницу, и поморщился: один из металлических завитков кованой ограды Локлендского университета впился ему в спину. Это учебное заведение гордилось своей необычной атмосферой, соединившей в себе загородный клуб и готический особняк, однако причудливая решетка, окружавшая Локленд и долженствовавшая указывать как на эксклюзивность университета, так и на унаследованный из прошлого эстетизм, на самом деле оставалась претенциозной и душащей. Она напоминала Виктору изящную клетку.

Он передвинулся и удобнее пристроил книгу на колене, изумляясь ее размеру и рассеянно крутя маркер между пальцами. Это был самоучитель – последний из пяти – под авторством всемирно известных Докторов Вейл. Тех самых Вейлов, которые сейчас отправились с лекциями за границу. Тех самых Вейлов, которые нашли в своем плотном расписании (а оно было таким даже до того, как они стали авторами бестселлеров по самосовершенствованию) немного времени, чтобы произвести на свет Виктора.

Он отлистал страницы назад, пока не добрался до начала своего последнего опуса, и начал читать. Впервые он вымарывал текст книги Вейлов не просто ради собственного удовольствия. Нет – он делал это ради зачета. Виктор невольно улыбнулся. Он испытывал глубочайшую гордость, препарируя родительские тексты, сводя многословные главы по самосовершенствованию к

простым и пугающе действенным фразам. Он расчерчивал их так уже больше десяти лет (со своего одиннадцатого года жизни), однако до прошлой недели это нельзя было назвать чем-то настолько полезным, что принесло бы ему зачетные баллы. На прошлой неделе он забыл свой последний труд, уходя на ленч из художественной студии (Локлендский университет ввел обязательный курс изобразительного искусства даже для будущих врачей и ученых), а вернувшись, застал за ним своего преподавателя. Виктор ожидал получить выговор – лекцию относительно культурной недопустимости порчи литературы или, возможно, о материальных затратах на бумагу… Вместо этого преподаватель счел литературное разрушение искусством. Он, по сути, сам дал нужное объяснение, заполнив пробелы такими терминами как «самовыражение», «личностность», «коллаж», «изменение формы».

Виктор только кивнул и подсказал идеальное слово для завершения преподавательского списка – «переписывание», и вот так определилась тема его выпускной работы.

Маркер с шипением прочертил очередную линию, зачеркивая несколько предложений в середине страницы. Колено начало неметь от увесистого тома. Если бы Виктору вдруг понадобилось самосовершенствоваться, он бы поискал тоненькую простую книжицу, форма которой соответствовала бы в ней заявленному. Возможно, некоторым нужно что-то большее. Возможно, некоторые ищут на полках самый внушительный том, считая, что большее количество страниц обеспечит большую эмоциональную или психологическую поддержку. Он пробежал взглядом по словам и улыбнулся, отыскав еще один отрывок, который можно зачернить.

К моменту, когда прозвучал первый звонок, возвещающий об окончании его электива по изобразительному искусству, Виктор превратил родительские лекции о том, как следует начинать день, в следующее:

«Пропадите. Сдайтесь. Бросьте… в итоге было бы лучше отступить, не пытаясь. Пропадите. Исчезните. И вас не будет волновать, отыщут ли вас вообще».

Ему пришлось вычеркивать целые абзацы, чтобы добиться нужного результата. После того как он случайно вычеркнул «вообще», ему пришлось долго искать повторение этого слова. Однако результат того стоил. Черные страницы, протянувшиеся между «отыщут ли», «вас» и «вообще», придавали фразе нужное ощущение заброшенности.

Виктор услышал чьи-то шаги, но не стал поднимать голову. Он перелистнул страницы до конца книги, где занимался другим проектом. Маркер вычеркнул еще один абзац, строка за строкой; звук был неспешным и ровным, словно дыхание. Один раз он даже изумился тому, что родительские книги действительно помогают ему самосовершенствоваться – хоть и не так, как это было задумано. Их уничтожение оказывалось невероятно успокоительным, вроде как медитативным.

– Опять портишь школьное имущество?

Подняв голову, Виктор увидел, что над ним возвышается Эли. Библиотечная обложка смялась под кончиками его пальцев: приподняв книгу, он продемонстрировал Эли корешок, на котором крупными заглавными буквами было напечатано «ВЕЙЛ». Он не собирался тратить двадцать пять долларов девяносто девять центов, когда в Локлендской библиотеке находилось подозрительно обширное собрание вейловского учения о самосовершенствовании. Эли отнял у него книгу и просмотрел страницу.

«Возможно… в наших же… интересах… будет… будет отступить… сдаться… а не тратить… слова».

Виктор пожал плечами. Он еще не закончил.

– У тебя лишнее «будет» перед «отступить», – сказал Эли, перебрасывая книгу ему.

Виктор поймал ее и, хмурясь, провел пальцем по составленному предложению. Найдя ошибку, он тут же вымарал ненужное слово.

– У тебя слишком много свободного времени, Вик.

– «Надо находить время для того, что важно, – процитировал он в ответ, – ибо именно это и есть вы: ваша страсть, ваш прогресс, ваше перо. Возьмите его и напишите свою собственную историю».

Эли пристально посмотрел на него, хмуря лоб.

– Это ужасно.

– Это из Введения, – объяснил Виктор. – Не тревожься, я это вымарал. – Он перелистал книгу обратно (паутину тонких букв и жирных черных линий), пока не добрался до начала. – Своими цитатами они напрочь испохабили Эмерсона.

Эли пожал плечами:

– Одно могу сказать: теперь эта книга – мечта токсикомана.

Он был прав: четыре маркера, которые Виктор потратил на превращение тома в произведение искусства, наделили ее невероятно сильным запахом, который Виктор находил чарующим и отвратительным одновременно. Он ловил достаточно сильный кайф от самого процесса уничтожения, но, наверное, запах стал неожиданным добавлением к многогранности проекта… по крайней мере, так это повернул бы преподаватель. Эли привалился к решетке. Его темно-каштановые волосы поймали слишком яркий луч солнца, проявивший в них рыжину и даже золотые нити. Виктор был платиновым блондином. Когда солнце падало на него, то не проявляло никаких цветов, а только подчеркивало отсутствие цвета, делая его похожим не на реального студента из плоти и крови, а скорее на старинную фотографию.

Эли продолжал смотреть на книгу в руках у Виктора.

– А разве маркер не портит текст на обороте?

– Должен был бы, – ответил Виктор, – но они берут дико толстую бумагу. Будто хотят придать еще больше веса своим словам.

Хохот Эли потонул в переливах второго звонка, разнесшегося по пустеющему двору. Звонки не трещали (Локленд был слишком цивилизованным), но громкость у них была повышенная, а звук почти зловещим: один басовитый удар большого церковного колокола, исходивший от духовного центра в центре территории. Эли чертыхнулся и помог Виктору подняться на ноги, одновременно поворачиваясь к зданиям факультетов естественных наук, облицованных красным кирпичом в попытке сделать их менее безликими. Виктор не торопился: до последнего звонка оставалась еще минута, но даже если они с Эли опоздают, преподаватели не станут снимать с них баллы. Эли достаточно будет просто

улыбнуться. Виктору достаточно будет соврать. Оба приема оказывались пугающе действенными.

* * *

На семинаре по общему естествознанию Виктор сидел на заднем ряду: курс был рассчитан на подготовку студентов с различной естественнонаучной специализацией к написанию выпускной работы и предполагал изучение методов исследования. Или, по крайней мере, знакомство с методами исследования. Расстроенный тем, что на занятиях требовалось использовать ноутбуки, а вычеркивание слов на экране не приносило должного удовлетворения, Виктор развлекался, наблюдая, как студенты спят, рисуют завитушки, переживают, слушают и обмениваются электронными записками. Вполне объяснимо, что это ему быстро прискучило и его взгляд устремился мимо них, за окно, за газоны. За все.

Его внимание наконец снова вернулось к лекции, когда Эли поднял руку. Виктор вопроса не слышал, но полюбовался тем, как его сосед по комнате улыбается своей безупречной улыбкой настоящего американца-политика. Элиот (Эли) Кардейл поначалу был воспринят как некое недоразумение. Виктор нисколько не обрадовался, когда через месяц после начала второго курса на пороге его комнаты возник этот долговязый темноволосый парень. Его первый сосед по комнате в первую же неделю резко передумал учиться (конечно, Виктор тут был ни при чем) и быстренько свалил. То ли из-за недобора студентов, то ли из-за погрешности в учете данных, которую ему обеспечил однокурсник, Макс Холл (а он имел склонность взламывать программы, имеющие отношение к Локлендскому университету), на место этого студента никого не подселили. И так было до начала октября, когда Элиот Кардейл – который, как тут же решил Виктор, был слишком улыбчивым, – возник в коридоре с чемоданом.

Поначалу Виктор пытался придумать, что можно сделать, чтобы во второй раз за семестр освободить свою спальню, но не успел он перейти к действиям, как произошло нечто странное. Эли стал… ему нравиться. Он оказался продвинутым и пугающе обаятельным – из тех парней, которым все сходит с рук благодаря хорошей наследственности и сообразительности. Он был рожден для спортивных команд и всяческих клубов, однако удивил всех, включая Виктора, тем, что не выказал ни малейшего желания куда-либо вступить. Этот небольшой вызов социальным нормам принес ему в глазах Виктора несколько очков и сразу

же сделал более интересным.

Но что заинтересовало Виктора больше всего – это то, что с Эли что-то было явно не так. Он был похож на картинку, полную мелких неточностей, которые можно отыскать, только изучив изображение самым внимательным образом, но и тогда некоторые обязательно оставались незамеченными. На первый взгляд Эли казался совершенно нормальным, но время от времени Виктор подмечал трещинку, беглый взгляд, мгновение, когда лицо и слова соседа, взгляд и смысл сказанного не вязались друг с другом. Как будто смотришь на двух людей, один из которых прячется под кожей второго. И эта кожа всегда была слишком сухой, готовой треснуть и показать цвет того, что находится под ней.

– Очень разумно, мистер Кардейл.

Виктор прослушал не только вопрос, но и ответ. Он сосредоточил взгляд на профессоре Лайне: тот обвел взглядом всех присутствующих и решительно хлопнул в ладоши.

– Так. Пора сформулировать ваши темы.

Группа, состоящая в основном из будущих медиков, нескольких честолюбивых физиков и даже инженера (но не Анджи, которую определили в другую группу), дружно застонала – из принципа.

– Ну-ну, – возмутился профессор, прерывая протесты. – Вы знали, что вас ждет, когда сюда записывались.

– А мы не записывались, – уточнил Макс. – Это обязательный курс.

Его замечание вызвало одобрительный ропот аудитории.

– Мои искренние извинения. Но раз уж вы здесь, то сейчас самое время…

– Лучше бы через неделю, – заявил Тоби Пауэлл, широкоплечий серфингист и будущий медик, сын какого-то губернатора.

Если Макс заслужил только одобрительные шепотки, то на этот раз студенты засмеялись с громкостью, которая соответствовала уровню популярности Тоби.

– Хватит! – отрезал профессор Лайн. Группа притихла. – Хотя Локленд поощряет определенный уровень… трудолюбия в отношении курсовых работ и допускает определенную степень вольности, я хочу вас кое о чем предупредить. Я веду этот спецсеминар уже семь лет. Не советую выбирать что-то безопасное и писать нечто серенькое, однако и амбициозная тема не принесет вам баллы на основе одной лишь амбициозности. Ваша оценка будет зависеть от результата. Найдите тему, которая была бы достаточно близка вашим интересам, чтобы оказаться полезной, но при этом не была бы полностью вами освоена. – Он одарил Тоби уничижительной улыбкой. – Начнем с вас, мистер Пауэлл.

Тоби причесал волосы пальцами, стараясь потянуть время. Предостережение профессора явно подорвало его уверенность в теме, которую он собирался объявить. Невнятно хмыкая, он прокручивал свои записи.

– Э… Т-хелперы семнадцать и иммунология.

Тоби постарался, чтобы его фраза не прозвучала как вопрос. Профессор Лайн дал ему секунду помучиться. Все затаили дыхание, ожидая, заслужит ли Тоби «тот самый» взгляд – чуть вздернутый подбородок и наклон головы, который уже стал знаменитым: этот взгляд говорил: «думаю, вам стоит попытаться еще раз». Однако в итоге профессор удостоил его легким кивком и перевел взгляд дальше.

– Мистер Холл?

Макс уже открыл было рот, когда Лайн быстро добавил:

– Никакой техники. Наука – да, но не техника. Так что хорошенько подумайте.

Макс закрыл рот и задумался.

– Электрический кпд в возобновляемых источниках энергии, – объявил он после паузы.

– Железо, а не софт. Похвальный выбор, мистер Холл.

Профессор Лайн продолжил опрос группы.

«Сцепление наследственных признаков», «равновесные состояния и излучение» получили одобрение, тогда как «воздействие алкоголя/сигарет/наркотиков», «химические свойства метамфетаминов и реакция организма на секс» заслужили «тот самый» взгляд. Темы постепенно принимались или формулировались заново.

– Следующий, – вопросил профессор Лайн, постепенно теряя чувство юмора.

– Химическая пиротехника.

Долгое молчание. Тему выдвинула Джанин Эллис, у которой еще не отросли брови после недавнего эксперимента. Профессор Лайн шумно вздохнул с «тем самым» взглядом, но Джанин молча улыбнулась – а сказать Лайну было нечего. Эллис была одной из самых юных среди присутствующих здесь и на первом курсе разработала новый яркий оттенок синего, который сейчас использовался производителями фейерверков по всему миру. Если она готова рисковать своими бровями – это ее дело.

– А вы, мистер Вейл?

Виктор смотрел на профессора, перебирая варианты. Он никогда не был силен в физике, химия казалась забавной, но его страстью оставалась биология: анатомия и неврология. Хотелось выбрать такую тему, которая давала бы возможность экспериментировать, но при этом оставаться с целыми бровями. И хотя желательно было не уронить свою репутацию на этой кафедре, он уже несколько недель получал по почте приглашения от медицинских факультетов, аспирантур и исследовательских лабораторий (а неофициальные приглашения поступали уже несколько месяцев). Они с Эли стали украшать этими письмами свою прихожую. Не письмами с приглашениями, нет – а теми, которые им предшествовали, полными комплиментов и обаяния, заигрываний и написанных от руки постскриптумов. Им обоим совершенно не обязательно потрясать мир выпускными работами. Виктор покосился на Эли, гадая, что выберет он.

Профессор Лайн кашлянул.

– Индукторы надпочечников, – решил развлечься Виктор.

– Мистер Вейл, я уже отклонил предложение, связанное с половыми…

– Нет, – возразил Виктор, качая головой. – Адреналин, его физические и эмоциональные индукторы и результаты. Биохимические пороги. «Беги или сражайся». Вот в этом ключе.

Он наблюдал за профессором Лайном, ожидая его реакции, и тот в итоге кивнул.

– Не заставляйте меня об этом пожалеть.

Затем он повернулся к Эли, последнему из группы.

– Мистер Кардейл.

Эли спокойно улыбнулся:

– ЭО.

Все студенты, уже начавшие негромко переговариваться, внезапно замолчали. Шепотки и перестук клавиатур стихли, стулья перестали скрипеть. Профессор Лайн устремил на Эли совершенно новый взгляд, балансировавший между изумлением и недоумением, которые смягчались только мыслью о том, что Элиот Кардейл был неизменно лучшим в группе, даже лучшим во всем потоке доврачебной подготовки… ну, они поочередно с Виктором занимали первое и второе места.

Пятнадцать пар глаз метались между Эли и профессором Лайном: молчание затягивалось, становясь неловким. Эли был не из тех студентов, кто предлагает что-то в шутку или в качестве проверки. Но и серьезно принять его слова было невозможно!

– Боюсь, что вам надо объяснить подробнее, – медленно проговорил Лайн.

Эли продолжал безмятежно улыбаться.

– Аргументы в пользу теоретической возможности существования ЭкстраОрдинарности на основе законов биологии, химии и психологии.

Профессор Лайн склонил голову набок и выставил вперед подбородок, но сказал только:

– Осторожнее, мистер Кардейл. Как я и предупреждал, за одну только амбициозность баллы начисляться не будут. Надеюсь, вы не собираетесь выставить мой предмет на осмеяние.

– Это надо понимать как «да»? – уточнил Эли.

Прозвенел звонок.

Чей-то стул скрежетнул по полу, но никто не встал.

– Хорошо, – сказал профессор Лайн.

Улыбка Эли стала шире.

«Хорошо?» – подумал Виктор.

Оценив лица всех остальных студентов, он прочел на них самые разные чувства, от любопытства до изумления и зависти. Это же шутка! Иначе и быть не может. Тем не менее профессор Лайн выпрямился, возвращаясь к своей привычной бесстрастности.

– Вперед, студенты, – сказал он. – Осуществляйте прорывы.

В аудитории стало шумно. Стулья оттаскивались, столы сталкивались с места, рюкзаки и сумки забрасывались на плечи… Группа волной выплеснулась в коридор, захватив с собой Виктора. Он оглянулся, ища взглядом Эли, – и обнаружил, что тот задержался в классе и о чем-то негромко и увлеченно говорит с профессором Лайном. На мгновение его неизменное спокойствие исчезло и глаза сверкнули, наполнились жадным блеском. Однако к тому моменту, когда он освободился и подошел к Виктору в коридоре, все исчезло,

скрытое за обычной улыбкой.

– Что это за чертовщина? – вопросил Виктор. – Я понимаю, что сейчас курсовая не особо важна, но все-таки – это что, какая-то шутка?

Эли пожал плечами, но продолжать разговор не получилось: телефон у него в кармане разразился мелодией электророка. Виктор привалился к стене, ожидая, пока Эли выудит мобильник.

– Привет, Анджи. Ага, уже идем.

Он отключился, не дожидаясь ответа.

– Нас вызывают. – Эли забросил руку Виктору на плечо. – Моя прекрасная дама проголодалась. Не смею заставлять ее ждать.

III

Накануне ночью

Кладбище Мирита

У Сидни от лопаты начали болеть руки, но впервые за этот год ей не было холодно. Щеки пылали, под пальто все тело покрылось потом, и чувствовала она себя живой.

С точки зрения Сидни, это было единственным плюсом выкапывания трупа.

– А нельзя сделать что-то другое? – спросила она, наваливаясь на лопату.

Она знала, что Виктор ответит, чувствовала, как у него кончается терпение, но все равно не могла не спросить, потому что спрашивать – это разговаривать, а разговор был единственным способом отвлечься от мысли, что она стоит над трупом и докапывается до него, вместо того чтобы его закапывать.

– Надо отправить послание, – ответил Виктор, не переставая копать.

– Тогда мы могли бы отправить какое-то другое послание, – проворчала она себе под нос.

– Это надо сделать, Сид, – сказал он, наконец посмотрев на нее. – Так что постарайся думать о чем-то приятном.

Сидни вздохнула и принялась копать. Еще через несколько взмахов лопатой она снова прервалась. Спрашивать было почти страшно.

– Виктор, а о чем думаешь ты?

Он сверкнул опасной улыбкой:

– Думаю о том, какая сегодня чудесная ночь.

Оба знали, что это ложь, но Сидни решила, что лучше правды не добиваться.

* * *

Виктор думал не о погоде.

Благодаря плащу он почти не ощущал холода. Он был занят тем, что представлял себе, какое лицо будет у Эли, когда он получит это послание. Пытался представить себе потрясение, ярость – и примешивающийся ко всем остальным чувствам страх. Страх, ибо это послание может говорить только об одном.

Виктор выбрался. Виктор свободен.

И Виктор найдет Эли, как и обещал.

Он с удовольствием вонзил лопату в землю.

IV

Десять лет назад

Локлендский университет

– Ты что, и правда мне не скажешь, что это такое было? – спросил Виктор, заходя следом за Эли в массивные двустворчатые двери Международного обеденного зала Локленда, который обычно сокращали до МОЗЛ.

Эли не ответил, высматривая в зале Анджи.

Виктор считал, что это заведение похоже на тематический парк: повседневность столовой прятали за пластмассовыми и штукатурными фасадами, которые не сочетались друг с другом и были выполнены без всякого соблюдения масштабов. По краям громадного пространства со столиками располагалось одиннадцать раздач с разным оформлением, под каждым шрифтом предлагали новое меню. У входа находилось бистро с низенькой оградкой для очереди. Дальше под звуки итальянской музыки позади раздачи зияло несколько духовок для пиццы. Напротив тайский, китайский и японский ресторанчики раскинулись яркими пятнами – светлые, простые и манящие. По соседству с ними располагались бургерная, стойка с запеченным мясом, буфет с десертами, салат-бар, прилавок со смузи и обычное кафе.

Анджи Найт сидела неподалеку от итальянской стойки, наматывая спагетти на вилку и уткнувшись в книгу, придавленную подносом. Она то и дело смахивала лезущие в глаза кудряшки. При виде ее Виктор ощутил легкую дрожь – вуайеристское удовольствие от того, что заметил кого-то раньше, чем заметили тебя, от того, что можно просто понаблюдать. Однако это длилось недолго: Эли тоже ее увидел и, не говоря ни слова, поймал ее взгляд. Виктору они напоминали магниты – каждый со своим притяжением. Оба демонстрировали это каждый день на занятиях и на территории университета. Люди неизменно собирались вокруг них, а уж когда они оказывались рядом друг с другом… Да уж. Руки Анджи моментально ложились Эли на плечи, а ее безупречные губы прижимались к его губам.

Виктор отвел взгляд, предоставляя им минуту уединения, что было нелепостью… если учесть, что их публичная встреча была очень… публичной. Одна из преподавательниц, сидевшая через несколько столиков, посмотрела на них поверх газеты и выгнула бровь, а потом с громким шуршанием перевернула

страницу. Спустя какое-то время Эли с Анджи сумели разлепиться, и она приветствовала Виктора быстрым объятием – жестом простым и искренним, очень теплым, но без всякого жара.

И его это устраивало. Вик не был влюблен в Анджи Найт. Она ему не принадлежала. Хотя это он первым с ней познакомился, хотя это он когда-то стал для нее магнитом, и она подошла к нему в МОЗЛе в ту первую неделю занятий на первом курсе, и они выбрали смузи, потому что (несмотря на сентябрь) жарища стояла адова, и ее щеки покраснели после пробежки, а его – от разговора с ней. Она познакомилась с Эли только на втором курсе, когда Виктор пригласил своего нового соседа сесть с ним за столик, потому что решил, что это полезно для кармы.

«Долбаная карма», – подумал он, когда Анджи отстранилась и села обратно.

Эли взял суп, а Виктор предпочел китайскую кухню, и они втроем сидели среди нарастающего гвалта столовой, ели и обменивались бездумными фразочками, хотя при этом Виктору безумно хотелось выяснить, о чем это Эли думал, выбирая в качестве темы ЭО. Тем не менее Виктор понимал, что в присутствии Анджи расспрашивать Эли не следует. Анджи Найт была силой. Длинноногой силой с таким острым любопытством, какого Виктор прежде не встречал. Ей было всего двадцать, но ее с пятнадцати лет зазывали в десятки лучших колледжей, вручали десятки визиток и делали десятки предложений и повторных предложений, предлагали явные и неявные взятки – а она оказалась в Локленде. Недавно она приняла предложение от конструкторской фирмы, и после выпуска ей предстояло стать самой юной (и Виктор был готов биться об заклад, что и самой талантливой) служащей компании. А ведь ей еще даже спиртное употреблять запрещено законом!

К тому же, судя по взглядам, которые остальные студенты бросали на Эли, после того как он выбрал тему, Анджи достаточно скоро об этом услышит.

Наконец ленч, приправленный паузами и предостерегающими взглядами Эли, закончился, и звонок вызвал Анджи на следующее занятие. Вообще-то, ей даже не полагалось иметь еще одно занятие, но она взяла дополнительный курс по выбору. Эли с Виктором остались сидеть, провожая взглядами ее голову в ореоле рыжих волос: Анджи была полна предвкушения, словно ей предстояло отведать торта, а не разбираться с судебной химией или кпд в механике – или с какой-то еще темой, которой она на этот раз увлеклась.

Вернее, это Эли провожал ее взглядом, а Виктор наблюдал за тем, как Эли на нее смотрит – и у него под сердцем что-то скручивалось. Дело было не просто в том, что Эли украл у Виктора Анджи (что было достаточно противно), но и в том, что Анджи тоже украла у него Эли. По крайней мере, того Эли, который был интереснее. Не парня с идеальными зубами и веселым смехом, того, который прятался внутри, сверкающего и острого, как осколок стекла. Кого-то опасного и голодного. Однако, когда Эли находился рядом с Анджи, тот второй никогда не показывался. Эли был идеальным парнем: заботливым, внимательным и… скучным. И сейчас Виктор поймал себя на том, что всматривается в друга после ухода Анджи, выискивая признаки жизни.

Прошло несколько молчаливых минут: обеденный зал постепенно пустел. И наконец Виктор потерял терпение и лягнул Эли под столом. Тот лениво оторвал взгляд от тарелки.

– Ну?

– С чего вдруг ЭО?

Лицо Эли очень-очень медленно начало раскрываться – и Виктор почувствовал, как узел у него в груди распускается от облегчения при виде темной стороны Эли.

– Ты в них веришь? – спросил Эли, рисуя узоры в остатках супа.

Виктор помедлил, пережевывая кусок курицы в лимонном соусе. ЭО. ЭкстраОрдинарные люди. Он знал о них не больше, чем люди обычно знают о подобных феноменах, просматривая информацию на сайтах и натыкаясь на редкие телепередачи с «обличениями», где специалисты анализируют зернистые изображения мужчины, поднимающего автомобиль, или женщины, окруженной огнем, но не сгорающей. Знать про ЭО и верить в ЭО – это совершенно разные вещи, а по тону Эли он не мог определить, к какому лагерю тот принадлежит. Виктору было непонятно, в каком лагере его хотел бы видеть Эли, и дать ответ стало невероятно трудно.

– Ну! – поторопил его Эли. – Так веришь?

– Не знаю, – честно признался Виктор. – Если это вопрос веры…

– Все начинается с веры, – парировал Эли.

Виктор поежился. Вот это в понимание Эли не укладывалось: тот полагался на религию! Виктор изо всех сил старался не обращать на это внимания, но этот факт оставался постоянным камнем преткновения в их диалогах. Наверное, Эли почувствовал его нежелание продолжить разговор.

– Ну, тогда с любопытства, – поправился он. – Ты никогда ни о чем не гадаешь?

Виктору многое было любопытно. Ему был любопытен он сам (он искалечен или одарен, лучше других или хуже), были любопытны окружающие (неужели они действительно такие тупые, как кажется). Ему было любопытно насчет Анджи: что случилось бы, если бы он рассказал ей, что чувствует, каково было бы, если бы она выбрала его. Ему были любопытны жизнь, люди, наука, магия и Бог – и то, верит ли он во что-то из этого.

– Гадаю, – медленно произнес он.

– Ну а если ты насчет чего-то гадаешь, – продолжил Эли, – разве это не значит, что какая-то часть твоего сознания хочет поверить в Бога? По-моему, нам хочется доказывать что-то в нашей жизни сильнее, чем опровергать. Нам хочется верить.

– И тебе хочется верить в супергероев.

Виктор очень постарался, чтобы в его тоне не прозвучало осуждения, но не смог справиться с улыбкой, растянувшей губы. Ему хотелось надеяться, что Эли не обидится, сочтет это просто хорошим настроением, весельем, а не насмешкой, но этого не случилось. Его маска стремительно вернулась на место.

– Ну ладно, это глупо, так? Ты меня поймал. Мне плевать на курсовую. Мне просто захотелось проверить, спустит ли Лайн мне это с рук, – заявил он с пустоватой улыбкой и встал из-за стола. – Вот и все.

– Погоди, – сказал Виктор. – Это не все.

– Это все.

Эли повернулся, сдал поднос и ушел, не дав Виктору возможности еще что-то сказать.

* * *

У Виктора в кармане всегда был маркер.

Он брел между библиотечными стеллажами в поисках книг, которые бы положили начало его курсовой, и пальцы у него зудели от желания достать маркер. Не заладившийся разговор с Эли действовал на нервы и оставил после себя дикое желание найти свой покой, свое умиротворение, свой личный дзен в неспешном вымарывании чужих слов. Ему удалось добраться до раздела «Медицина» без происшествий, добавив к уже выбранной книге по психологии томик по нервной системе человека. Отыскав еще две небольшие книжки по надпочечникам и человеческой мотивации, он оформил свой выбор, следя, чтобы кончики пальцев (густо запятнанные из-за работы по изобразительному искусству) не показывались из-за стойки, за которой библиотекарь занимался его формуляром. За время его пребывания в Локленде уже поступали жалобы на варварски испачканные или даже испорченные книги. Библиотекарь посмотрел на него поверх книжной стопки так, словно преступления Виктора запечатлелись не на его пальцах, а на лице, но все-таки отсканировал штрихкоды и отдал ему книги.

Вернувшись в университетскую квартирку, которую Виктор занимал на пару с Эли, он разобрал свой рюкзак. У себя в спальне он встал на колени и засунул размеченную книгу по самоусовершенствованию к двум другим, которые взял в библиотеке и переделал, мысленно радуясь, что требований их вернуть пока не поступало. Книги по адреналину он оставил у себя на столе. Входная дверь открылась и захлопнулась, и он вышел в гостиную, где Эли уже развалился на диване. Он водрузил стопку книг и сшитых распечаток на журнальный столик, но при виде вошедшего Виктора взялся за какой-то журнал и начал его листать, изображая скуку. Книги на столике касались всего на свете: работы мозга в состоянии стресса, силы воли, анатомии, психосоматических реакций… А вот распечатки были иного рода. Виктор прихватил одну и, сев в кресло, начал читать. Эли чуть нахмурился, но протестовать не стал. Распечатки содержали страницы веб-сайтов, досок объявлений, чатов. В качестве допустимых

источников их никто не принял бы.

– Скажи мне правду, – потребовал Виктор, бросая распечатки обратно на столик.

– О чем? – рассеянно осведомился Эли. Виктор устремил на него свои голубые глаза и не отводил пристального взгляда, пока друг наконец не отложил журнал, сев прямее. Повернувшись, он поставил ноги на пол, отзеркаливая позу Виктора. – Потому что, по-моему, это может оказаться правдой. Возможно, – подчеркнул он, – но я готов рассмотреть такую вероятность.

Виктор изумился искренности, которая прозвучала в голосе друга.

– Ну и?.. – спросил он, стараясь сохранить на лице выражение «доверься мне».

Эли провел кончиками пальцев по книжным корешкам.

– Попробуй посмотреть на это вот как. В комиксах герой появляется двумя способами. За счет наследственности и за счет жизненных условий. Есть Супермен, который таким родился, и Человек-паук, которого таким сделали. Мысль понятна?

– Да.

– Если провести даже самый поверхностный поиск ЭО в Интернете, – он указал на распечатки, – то обнаружишь точно такую же классификацию. Некоторые утверждают, что ЭО уже рождаются необыкновенными, другие предлагают все что угодно, начиная с радиоактивной грязи и ядовитых насекомых и заканчивая простой случайностью. Предположим, мы отыщем ЭО. Тогда у нас есть доказательство того, что они действительно существуют, и встанет вопрос о том – как. Они рождаются? Или создаются?

Виктор наблюдал за тем, как при разговоре об ЭО глаза у Эли начинают блестеть, а голос – меняться, становясь более низким и напряженным, и мимические мышцы нервно подергиваются в попытке скрыть возбуждение. Страстность просачивалась сквозь уголки его рта, глаза лучились увлеченностью, энергия чувствовалась в подбородке и движениях челюсти. Виктор смотрел на друга, завороженный его преображением. Он сам был

способен изобразить практически любую эмоцию и выдать ее за свою собственную, однако имитация имела свои ограничения: он понимал, что никогда не смог бы сравняться с этим… пылом. И даже пытаться не стал. Вместо этого он сохранял спокойствие и слушал, глядя на Эли внимательно и уважительно, чтобы тот не смутился, не отступил.

Виктору меньше всего хотелось, чтобы Эли сейчас пошел на попятную. Потребовалось почти два года отношений дружеских и доверительных, чтобы пробиться сквозь эту обаятельную конфетную оболочку и найти то, что, как и думал Виктор, под ней пряталось. Элиот Кардейл, наклоняющийся над журнальным столиком с грудой нечетких скриншотов сайтов из числа тех, которые взрослые люди модерируют из подвала в родительском доме, казалось, обрел Бога. И, что еще лучше, он словно обрел Бога и хотел бы сохранить это в тайне – но не смог. Это пробивалось сквозь его кожу ярким сиянием.

– Значит, так, – медленно проговорил Виктор, – предположим, что ЭО существуют. Ты собрался выяснить – как.

Эли одарил его улыбкой, которой позавидовал бы любой глава религиозного культа.

– Вот именно.

V

Прошлой ночью

Кладбище Мирита

Бух.

Бух.

Бух.

– А сколько ты отсидел? – спросила Сидни, стараясь заполнить тишину. Удары лопат и рассеянное мурлыканье Виктора действовали ей на нервы.

– Слишком много, – ответил Виктор.

Бух.

Бух.

Пальцы, сжимавшие черенок лопаты, тупо ныли.

– И там ты познакомился с Митчем?

Массивный Митч – Митчелл Тернер – дожидался их в номере гостиницы. Не потому, что он не любит кладбища, как решительно заявил им. Нет, просто кто-то же должен был остаться с Долом. И потом, дел у него много. Очень много. И к трупам это не имеет никакого отношения.

Сидни улыбнулась, вспоминая, как он искал отговорки. Она почувствовала себя чуть лучше при мысли о том, что Митч – здоровенный, как микроавтобус, и, наверное, способный этот микроавтобус поднять – опасается смерти.

– Мы были сокамерниками, – пояснил Виктор. – В тюрьме масса очень плохих людей, Сид, и очень немного приличных. Митч из числа приличных.

Бух.

Бух.

– А ты из числа плохих? – уточнила Сидни.

Ее прозрачные голубые глаза смотрели прямо на него не моргая. Она не думала, что этот ответ будет что-то означать, но ей казалось, что знать его следует.

– Некоторые сказали бы, что да, – признал Виктор.

Бух.

Она не отводила взгляда:

– А по-моему, ты не плохой, Виктор.

Виктор продолжал копать.

– Зависит от точки зрения, Сид.

Бух.

– Насчет тюрьмы. Тебя… тебя выпустили? – тихо спросила она.

Бух.

Виктор оставил лопату торчать в земле и посмотрел на нее. А потом улыбнулся (она уже заметила, что он часто улыбается, прежде чем солгать) и ответил:

– Конечно.

VI

Неделю назад

Тюрьма «Райтон»

Тюремное заключение не играло особой роли по сравнению с тем, что оно Виктору дало. А именно – время.

Пять лет одиночки дали ему время подумать.

Четыре года тюрьмы общего режима (спасибо сокращению бюджета и отсутствию данных о том, что Вейл чем-то отличается от нормы) предоставили ему время, чтобы практиковаться. И четыреста шестьдесят троих заключенных,

на которых можно было практиковаться.

А последние семь месяцев дали ему время запланировать этот момент.

– Ты знаешь, – спросил Виктор, просматривая учебник по анатомии из тюремной библиотеки (сам он считал ужасной глупостью снабжать заключенных подробной информацией о том, где располагаются жизненно важные органы, но чего вы хотите?), – что если отнять у человека страх перед болью, то исчезает и страх смерти? Он становится в собственных глазах бессмертным. Что, конечно, не так, но как там говорится? «Мы все бессмертны, пока нам не доказали обратное».

– Что-то вроде того, – ответил Митч, который был несколько занят.

Митч был сокамерником Виктора в Федеральной тюрьме «Райтон». Виктору Митч был симпатичен – отчасти потому, что Митчу было совершенно наплевать на тюремную политику, а отчасти потому, что он был умным. Люди этого не замечали из-за его габаритов, а вот Виктор распознал в нем талант, которому нашел применение. Например, в данный момент Митч пытался закоротить камеру наблюдения с помощью обертки от жвачки, сигареты и кусочка проволоки, который Виктор припрятал для этого тремя днями раньше.

– Есть! – объявил Митч спустя несколько секунд, которые Виктор потратил на пролистывание главы о нервной системе.

Он отложил учебник и размял пальцы, наблюдая за идущим по коридору надзирателем.

– Пошли? – спросил он, ощущая, как гудит воздух.

Митч обвел взглядом камеру и кивнул:

– Только после тебя.

VII

Два дня назад

На дороге

Дождь обрушивался на машину волнами. Его было столько, что дворники совершенно с ним не справлялись: только гоняли воду по стеклам. Тем не менее ни Митч, ни Виктор не жаловались. В конце концов, машина была краденая. И, несомненно, украли они ее удачно: ездят в ней уже почти неделю без происшествий, угнав со стоянки в нескольких милях от тюрьмы.

Машина миновала знак с надписью «Мирит – 23 мили».

Митч сидел за рулем, а Виктор смотрел сквозь дождь на пролетающий мимо мир. После десятилетнего пребывания в камере все казалось быстрым. Все казалось свободным. Первые несколько дней они катались без всякой цели: потребность в движении перевешивала потребность в месте назначения. Виктор не знал, куда они едут. Он еще не решил, откуда начать свои поиски. Десяти лет было достаточно, чтобы до мельчайших деталей обдумать план побега. Уже через час у него была новая одежда, через день – деньги. Но даже через неделю он еще не определил места, откуда можно было бы начать поиски Эли.

До этого утра.

Он взял на заправке «Нэшнл Марк», одну из центральных газет, и лениво листал ее, когда ему улыбнулась удача. Точнее, ему кто-то улыбнулся. Улыбнулся прямо со снимка, напечатанного справа от новостной заметки под заголовком «Гражданин-герой спас банк».

Банк располагался в Мирите – крупном центре, находящемся посередине между увенчанными колючей проволокой стенами райтонской тюрьмы и узорными оградами Локленда. Они с Митчем направлялись туда, просто потому что это была хоть какая-то цель. Большой город полный людей, которых Виктор мог бы допрашивать, убеждать, принуждать. «И город уже выглядел многообещающим», – подумал он, берясь за сложенную газету.

Он купил номер «Нэшнл Марк», но забрал только эту страницу, почти благоговейно уложив ее в папку. Вот оно, начало.

Сейчас Виктор закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.

«Где ты, Эли?» – задумался он.

«Где ты, где ты, где ты, где ты?»

Вопрос эхом отдавался у него в голове. Виктор задавал его себе каждый день в течение десяти лет. Иногда – рассеянно, а иногда – с сосредоточенной потребностью узнать, что это было больно. Реально больно, а для Виктора это что-то значило. Он расслабился, позволяя миру проноситься мимо. Они выбрали не скоростную автостраду (большинству сбежавших заключенных такое и в голову не пришло бы), но ограничение скорости на двухполосной дороге было более чем приемлемым. «Все что угодно, лишь бы не стоять на месте», – подумал он, расфокусировав взгляд.

Спустя какое-то время машина проехала по небольшой колдобине, и выбоина вывела Виктора из задумчивости. Виктор моргнул и снова повернул голову, наблюдая за мелькающими деревьями. Он опустил стекло до половины, чтобы ощутить скорость, игнорируя возмущение Митча из-за дождя, залетающего в салон. Ему плевать было на воду и сиденья: почувствовать эту скорость было необходимо. Уже смеркалось, и в последних отсветах дня Виктор уловил какое-то движение на обочине. Низкая фигурка – понурая и обхватившая себя руками – брела по узкой обочине шоссе. Машина Виктора уже успела ее проехать, когда он нахмурился и подал голос:

– Митч, возвращайся.

– Зачем еще?

Виктор переключил внимание на громадного мужчину, сидевшего за рулем:

– Больше не заставляй меня повторять.

Митч и не стал. Он включил задний ход, заставив колеса пробуксовать на мокром асфальте. Они снова проехали мимо, но на этот раз двигаясь в обратном направлении. Митч включил первую передачу и подполз к фигурке. Виктор опустил стекло до конца, и дождь ворвался в салон.

– Ты в норме? – спросил он под шум дождя.

От фигурки ответа не пришло. Виктор ощутил какое-то слабое шевеление на грани восприятия, тихий гул. Боль. Не его.

– Останови машину, – приказал он.

Митч быстро – даже слишком быстро – переключил на холостой ход. Виктор вышел, застегивая молнию до подбородка, и зашагал рядом с неизвестным. Оказалось, что он на целых две головы выше.

– Тебе больно, – сказал Виктор куче мокрой одежды.

И он понял это не по крепко обнимающим плечи рукам, не по темному пятну на рукаве, которое было даже темнее, чем дождь, и не по тому, как резко фигурка отшатнулась от его протянутой руки. Виктор чуял боль так, как волк чует кровь. Он был на нее настроен.

– Стой, – сказал он, и на этот раз неровные шаги прекратились. Дождь поливал их, сильный и холодный. – Залезай в машину.

Фигурка подняла голову, и промокший капюшон куртки упал на узкие плечики. Прозрачные голубые глаза, яростно сверкнувшие под смазавшимися черными тенями, смотрели на него с юного лица. Виктор был слишком хорошо знаком с болью, чтобы обмануться упрямым лицом и стиснутыми челюстями, с прилипшими к ним мокрыми белокурыми кудряшками. Ей было не больше двенадцати или, может, тринадцати.

– Давай! – настаивал он, указывая на остановившуюся рядом с ними машину.

Девочка молча смотрела на него.

– Что мы тебе сделаем? – спросил он. – Наверняка ничего страшнее того, что уже с тобой случилось.

Когда она не тронулась с места, он со вздохом указал на ее руку.

– Давай я посмотрю, – предложил он.

Протянув руку, он кончиками пальцев провел по ее куртке. Воздух у его кисти, как обычно, затрещал – и девочка издала еле слышный вздох облегчения. Она потерла рукав.

– Эй, прекрати! – остановил он ее, отводя руку от раны. – Я ее не залечил.

Она быстро перевела взгляд с его руки на свой рукав, а потом обратно.

– Холодно, – сказала она.

– Я Виктор, – сказал он, и она адресовала ему быструю усталую улыбку. – Ну что, уйдем с дождя?

VIII

Прошлой ночью

Кладбище Мирита

– Ты не плохой, – повторила Сидни, отбрасывая землю на залитую лунным светом траву. – А вот Эли – плохой.

– Да. Эли плохой.

– Но его не посадили в тюрьму.

– Да.

– Как ты считаешь, он поймет это послание? – спросила она, указывая на могилу.

– Я в этом уверен, – ответил Виктор. – А если не поймет он, то поймет твоя сестра.

При мысли о Серене у Сидни скрутило живот. В ее голове старшая сестра была двумя разными людьми, и эти два образа накладывались друг на друга так, что оба размывались, а у нее кружилась голова, и становилось тошно.

Была Серена-до-озера. Та Серена, которая встала перед ней на колени в день отъезда в колледж (обе прекрасно знали, что она бросает Сидни в пустом, отравленном доме) и которая стирала подушечкой большого пальца слезы у Сидни со щек, повторяя снова и снова: «Я здесь, я здесь».

А была Серена-после-озера. Та Серена, у которой были холодные глаза и пустая улыбка – и которая одними только словами что-то устраивала. Та, которая заманила Сидни в поле с трупом, уговаривая показать фокус, и потом смотрела на нее огорченно. Та, которая повернулась спиной, когда ее парень поднял пистолет.

– Я не хочу видеть Серену, – заявила Сидни.

– Знаю, – отозвался Виктор. – Но я хочу видеть Эли.

– Зачем? – спросила она. – Ты же не можешь его убить.

– Не исключено. – Он сильнее стиснул черенок лопаты. – Но как же здорово будет попытаться!

IX

Десять лет назад

Локлендский университет

Когда Эли встретил Виктора в аэропорту за несколько дней до начала весеннего семестра, улыбка у него была такая, что Виктор начал нервничать. Улыбок у Эли было не меньше, чем в кафе-мороженом сортов мороженого, и эта говорила о том, что у него есть секрет. Виктору хотелось бы этого не замечать, но не получалось. Но если уж у него не получалось этого не замечать, то он был твердо намерен хотя бы это не демонстрировать.

Эли все каникулы провел в университете, собирая материал для курсовой. Анджи была недовольна, потому что он обещал уехать с ней. Анджи, как Виктор и предвидел, не одобрила курсовую Эли – как саму тему, так и то количество времени, которое он на нее начал тратить. Эли твердил, что собирается работать на каникулах, просто чтобы успокоить профессора Лайна, продемонстрировав свое серьезное отношение к курсовой, но Виктору это не понравилось, потому что таким образом Эли вырывался вперед. Виктор был недоволен, потому что он, конечно же, тоже подал заявку, чтобы остаться на каникулы, и попросил тех же послаблений – и получил отказ. Ему понадобилась вся сила воли, чтобы спрятать гнев, желание обработать маркером жизнь Эли и переписать на свой лад. Каким-то образом ему удалось просто пожать плечами и улыбнуться, а Эли пообещал держать друга в курсе, если удастся добиться прогресса в области их – Эли сказал «нашего», а не «моего», что немного успокоило Виктора, – интереса. В течение каникул Виктор от него известий не получал, но за несколько дней до его прилета Эли позвонил и сообщил, что кое-что нашел, однако отказался говорить другу, что именно, пока тот не вернется в университет.

Виктору хотелось взять билет на более раннее число (ему не терпелось избавиться от общества родителей, которые сначала настояли на том, чтобы встретить Рождество вместе, а потом ежедневно напоминали, на какие жертвы пошли, потому что каникулы – это самое удачное время для выездных лекций), но он не пожелал демонстрировать слишком сильное стремление поскорее узнать все и потому выждал несколько дней, лихорадочно занимаясь собственным исследованием адреналина, которое в сравнении казалось примитивным: простой вопрос о причине и следствии, с таким большим массивом документированных данных, что особого напряжения не требовалось. Это было просто пережевывание. Умело организованное и изящно сформулированное, конечно, но усеянное гипотезами, которые Виктор ощущал как нечто приземленное и скучное. Лайн назвал его развернутый план основательным и сказал, что Виктор идет в нужном направлении. Вот только Виктору не хотелось идти, когда Эли пытался лететь.

Вот почему к тому моменту, когда он забрался в машину Эли на пассажирское место, то от возбуждения уже барабанил пальцами по коленям. Виктор потянулся, стараясь их успокоить, но стоило им снова упасть ему на колени – и они возобновили свое беспокойное движение. Он почти весь полет копил равнодушие, чтобы при встрече с Эли первым словом не стало бы «рассказывай!», но теперь, когда они остались вдвоем, его спокойствие давало сбой.

– Ну и? – спросил он, безуспешно пытаясь изобразить скуку. – Что ты выяснил?

Эли вцепился в руль, поворачивая к Локлендскому университету.

– Травма.

– И при чем здесь она?

– Это единственный общий фактор, который я обнаружил во всех случаях ЭО, что хоть как-то задокументированы. Короче, организм в стрессовой ситуации реагирует странно. Адреналин, и все такое, как ты знаешь. Я пришел к выводу, что травма может вызвать в теле химические изменения. – Он говорил все быстрее. – Только проблема вот в чем: «травма» – это такое расплывчатое слово, так? На самом деле это очень широкое понятие, а мне надо выделить связующую нить. Каждый день травмы получают миллионы людей. Эмоциональные, физические – какие угодно. Если бы хотя бы небольшая их часть получала ЭО-способности, эти люди стали бы заметной группой населения. А тогда случаи ЭО не были бы чем-то закавыченным, просто гипотезой – они были бы фактом действительности. Я понял, что должно быть нечто более конкретное.

– Вид травмы? Типа ДТП? – предположил Виктор.

– Да, совершенно верно, вот только не нашлось никаких общих характеристик травмы. Никакой явной формулы. Никаких параметров. Поначалу.

Эли сделал паузу. Виктор выключил тихо игравшее радио. Эли чуть ли не подскакивал на месте.

– Но?.. – поторопил его Виктор, ненавидя собственный столь явный интерес.

– Но я начал копать, – сказал Эли, – и в тех немногих разборах конкретных случаев, которые мне удалось отрыть (неофициальные, конечно, и до чего же трудно было найти это дерьмо!), люди были не просто травмированы, Вик. Они умерли. Я этого сразу не заметил, потому что в девяноста процентах случаев, когда человек не остается мертвым, это даже не регистрируется как ОКС. Черт, да многие даже не подозревают, что пережили ОКС!

– ОКС?

Эли покосился на Виктора:

– «Опыт клинической смерти». Что, если ЭО создаются не любой травмой? Что, если их организм реагирует на самую глубокую физическую и психическую травму? Смерть. Если задуматься, то трансформация, о которой мы говорим, не может быть вызвана одной только физиологической реакцией или одной только психической. Для нее требуется огромный выброс адреналина, страха, осознания. Мы говорим о силе воли, говорим о победе духа над телом, но тут не одно побеждает другое – тут и то и другое сразу. Дух и тело реагируют на близость смерти, и в тех случаях, когда они оба достаточно сильны (а они должны быть сильными, я говорю о наследственной предрасположенности и воле к жизни), то, по-моему, у нас появляется рецепт ЭО.

Виктор ошеломленно слушал теорию Эли.

Его пальцы непроизвольно дергались.

Это звучало убедительно.

Это звучало убедительно, выглядело просто и изящно – и Виктора это возмущало, особенно потому что это он должен был первым заметить и выдвинуть такую гипотезу. Ведь это он разрабатывает тему адреналина! Единственная разница в том, что он изучал преходящий приток, а Эли пошел дальше и предположил перманентный сдвиг. В нем вспыхнул гнев, однако гнев непродуктивен, и Виктор перевел его в прагматизм, выискивая ошибку.

– Скажи что-то, Вик!

Виктор нахмурился и постарался, чтобы его голос был полностью лишен энтузиазма.

– У тебя два известных – и непонятно сколько неизвестных, Эли. Даже если ты сможешь уверенно сказать, что ОКС и сильная воля к жизни – это необходимые условия, то задумайся, сколько еще других факторов тут может присутствовать. Черт, да субъекту может понадобиться еще с десяток пунктов в перечне для ЭО.

Да и те две составляющие, которые у тебя уже есть, слишком туманны. Один только термин «наследственная предрасположенность» включает в себя сотни факторов, и любой может оказаться решающим. Должен ли субъект иметь естественно повышенные уровни или высокую изменчивость желез? Имеет ли значение его текущее физическое состояние или только врожденные реакции организма на изменения? А что до душевного состояния, Эли, то как можно вычислить психические факторы? Это же философская проблема! А еще ведь присутствует фактор случайности.

– Я ни один из них не списываю, – отозвался немного сдувшийся Эли, заводя машину на стоянку. – Это аддитивная теория, а не дедуктивная. Но разве нельзя отпраздновать то, что я, возможно, совершил ключевое открытие? Для ЭО необходим ОКС. Я бы сказал, что это довольно-таки круто, блин!

– Но этого недостаточно, – возразил Виктор.

– Да неужто? – огрызнулся Эли. – Это начальная точка. Это уже что-то! Для любой теории необходима начальная точка, Вик. Эта гипотеза относительно ОКС – этот коктейль из психической и физической реакции на травму – выглядит логично.

При этих словах Эли в Викторе возникло нечто мелкое и опасное. Идея. Способ повернуть открытие Эли так, чтобы оно стало его собственным… или хотя бы их общим.

– И это же курсовая, – добавил Эли. – Я пытаюсь найти научное объяснение феномену ЭкстраОрдинарности. Я же не пытаюсь его воссоздать.

Губы Виктора дернулись и сложились в улыбку.

– А почему не пытаешься?

* * *

– Потому что это – самоубийство, – заявил Эли между двумя укусами сэндвича.

Они сидели в МОЗЛ, который все еще был довольно пустым – до начала весеннего семестра. Работали только итальянское кафе, стойка с десертами и кофейня.

– Ну, да, как обязательная часть, – согласился Виктор, отпивая кофе. – Но если все сработает…

– Не могу поверить, что ты реально такое предлагаешь, – сказал Эли.

Однако в его голосе к изумлению примешивалось еще что-то. Любопытство. Возбуждение. Тот жар, который Виктор ощущал и раньше.

– Допустим, ты прав, – не отступался Виктор, – и это – простое уравнение: опыт клинической смерти (особо подчеркнем, что это почти смерть) плюс определенный уровень физической стойкости и силы воли…

– Но ты же сам сказал, что это не просто, что должны присутствовать еще и другие факторы.

– А! Да, наверняка они присутствуют, – согласился Виктор. Тем не менее Эли слушал его внимательно. Виктору нравилась эта внимательность. – И кто знает, сколько этих факторов! Но я готов признать, что в ситуации угрозы для жизни организм способен на невероятные вещи. Моя работа, если ты не забыл, посвящена именно этому вопросу. И возможно, ты прав. Возможно, организм даже способен на фундаментальную физическую перестройку. В моменты жестокой необходимости адреналин давал людям способности, кажущиеся сверхчеловеческими. Искры силы. Возможно, существует способ закрепить это изменение.

– Это безумие…

– Ты так не считаешь. Не до конца. Это все-таки твоя тема, – заявил Виктор. Криво улыбнувшись, он уставился в свой кофе. – Кстати, ты получишь за это «отлично».

Эли прищурился:

– Моя работа задумана как теоретическая…

– Да что ты говоришь? – вызывающе ухмыльнулся Виктор. – А как же вера?

Эли нахмурился. Он открыл было рот, чтобы ответить, но тут вокруг его шеи обвились тонкие руки.

– Почему мои мальчики сидят с таким суровым видом? – Виктор поднял голову: Анджи с ее темно-рыжими кудрями, веснушками, улыбкой. – Грустите, что каникулы закончились?

– Вот уж нет! – ответил Виктор.

– Привет, Анджи! – сказал Эли.

Виктор увидел, как огонь в его взгляде прячется. Эли притянул ее к себе для совершенно киношного поцелуя, и Виктор мысленно выругался. Он приложил столько усилий, чтобы этот огонь разжечь, – Анджи удалось одним поцелуем разрушить всю сосредоточенность Эли. Вик раздосадованно встал из-за стола.

– Ты куда? – удивилась она.

– День был длинный, – ответил он. – Только приехал, еще вещи не разложил…

Он не договорил: Анджи уже его не слушала. Она запустила пальцы Эли в волосы, прильнула к его губам. Раз – и он потерял их обоих.

Виктор повернулся и ушел.

X

Два дня назад

Отель «Эсквайр»

Виктор открыл дверь гостиницы, а Митч занес Сидни – раненую и промокшую насквозь – в помещение. Митч был громадным, бритоголовым, в татуировках и по ширине таким, какой девочка была в высоту. Она могла бы идти, но Митч решил, что нести ее будет проще, чем поддерживать, закинув ее руку себе на плечо. А еще он нес два чемодана, которые бросил на пол у двери.

– Думаю, это годится, – объявил он, весело оглядывая шикарные апартаменты.

Виктор поставил еще один чемодан (гораздо меньшего размера), снял с себя мокрую куртку, повесил ее, закатал рукава и велел Митчу отнести девочку в ванную. Сидни вытянула шею, осматриваясь. Отель «Эсквайр», расположенный в центре Мирита, был таким пустым, будто всю мебель из него выбросили. Она поймала себя на том, что ищет взглядом вмятины, которые оставили бы ножки кресла или дивана. Однако пол повсюду был деревянным – или хорошей имитацией дерева, а ванная – сплошной мрамор и плитка. Митч посадил ее в душ – большой участок мрамора без дверей – и исчез.

Она дрожала, ощущая только сосущий, всепроникающий холод. Виктор появился через несколько минут с охапкой разнообразных предметов одежды.

– Что-нибудь из этого должно подойти, – сказал он, бросая всю кипу на столик у раковины. Он стоял за дверью ванной, пока Сидни стягивала с себя мокрую одежду и рассматривала груду вещей, гадая, откуда взялась эта новая одежда. Выглядело все так, будто они ограбили прачечную, однако вещи были сухими и теплыми, так что она возражать не стала.

– Сидни, – объявила она из-под застрявшей на голове рубашки. Закрытая дверь еще сильнее приглушила голос. – Так меня зовут.

– Рад познакомиться, – откликнулся Виктор из коридора.

– Как ты это сделал? – спросила она, перебирая рубашки.

– Сделал что? – уточнил он.

– Убрал боль.

– Это… дар.

– Дар! – с горечью пробормотала Сидни.

– А ты уже встречала кого-то с даром? – поинтересовался он из-за двери.

Сидни не ответила. Наступившее молчание прерывалось только шорохом одежды: перебираемой, натягиваемой, отбрасываемой. Когда она снова заговорила, то сказала только:

– Теперь можешь зайти.

Виктор вошел и обнаружил ее в спортивных брюках, которые были ей велики, и трикотажном топе на бретельках, слишком длинном – но пока и они сойдут. Он велел ей сидеть на столе и не шевелиться, пока осматривает ее руку. Убрав последние следы крови, Виктор нахмурился.

– В чем дело? – спросила она.

– Это огнестрел, – ответил он.

– Ну, ясное дело.

– Ты что, баловалась с пистолетом?

– Нет.

– Когда это случилось? – поинтересовался он, прижимая пальцы к ее запястью.

– Вчера.

Он продолжал смотреть на ее руку.

– Не собираешься объяснить мне, что происходит?

– Ты это о чем? – переспросила она бесцветно.

– Видишь ли, Сидни, у тебя в руке пуля, пульс бьется гораздо медленнее, чем должен в твоем возрасте, а температура тела на несколько градусов ниже нормы.

Сидни напряглась, но ничего не сказала.

– У тебя есть другие травмы? – спросил он.

Сидни пожала плечами:

– Не знаю.

– Я верну тебе часть боли, – сообщил он, – чтобы узнать, повреждено ли что-нибудь еще.

Она настороженно кивнула. Он чуть сильнее сжал ее руку, и тупой всепроникающий холод разогрелся до боли, остро ударившей в несколько участков тела. Она стала тяжело дышать, но постаралась терпеть, говоря ему, где болит сильнее всего. Сидни смотрела, как он работает, прикасаясь к ней так бережно, словно боялся сломать. Он весь был светлый и легкий: светлая кожа, светлые пушистые волосы, светлые глаза, пальцы, порхающие над ее кожей, прикасаясь к ней только тогда, когда это совершенно необходимо.

– Ну вот, – объявил Виктор, закончив перевязку и снова забрав остатки боли. – Не считая пулевого ранения и вывихнутой лодыжки, ты в приличной форме.

– Не считая этого, – сухо отозвалась Сидни.

– Все относительно, – возразил Виктор. – Ты ведь жива.

– Да.

– Расскажешь, что с тобой произошло? – спросил он.

– Ты врач? – парировала она.

– Собирался им стать. Очень давно.

– И что случилось?

Виктор со вздохом привалился к сушилке для полотенец.

– Давай меняться. Ответ за ответ.

Она немного поколебалась, но все-таки кивнула.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, – соврала она, потому что было противно, что в свои двенадцать она еще не считается подростком. – А тебе?

– Тридцать два. Что с тобой случилось?

– Меня хотели убить.

– Это я вижу. Но почему это кому-то понадобилось?

Она качнула головой:

– Не твоя очередь. Почему ты не смог стать врачом?

– Попал в тюрьму, – ответил он. – Почему тебя пытались убить?

Она почесала пяткой щиколотку – верный знак того, что собирается соврать, но Виктор пока слишком плохо ее знал, чтобы об этом догадаться.

– Понятия не имею.

Сидни чуть было не спросила про тюрьму, но в последнюю секунду передумала.

– Почему ты меня подобрал?

– Питаю слабость к бездомным, – сказал он, а потом изумил ее, спросив: – У тебя есть дар, Сидни?

После долгой паузы она покачала головой.

Виктор опустил голову, но она увидела, как что-то промелькнуло у него на лице, словно тень, и впервые с той минуты, как их машина к ней подъехала, испугалась. Это был не всепоглощающий страх, а тихая ровная паника, растекающаяся по всему телу.

Однако, когда Виктор поднял голову, та тень уже исчезла.

– Тебе надо отдохнуть, Сидни, – сказал он. – Займи комнату в конце коридора.

Он повернулся и исчез прежде, чем она успела сказать «спасибо».

* * *

Виктор ушел на кухню, отделенную от гостиной только стойкой с мраморной столешницей, и налил себе выпивки из запасов, которые они с Митчем собирали с того момента, как выбрались из «Райтона»: Митч принес их из машины. Девчонка врала, и он это знал, однако не поддался соблазну прибегнуть к своим обычным методам. Она – ребенок, явно испуганный. Она и без того сильно травмирована.

Виктор уступил Митчу вторую спальню: тому на диване было бы никак не уместиться, и к тому же сам Виктор спал мало. Если он вдруг все-таки устанет, то плюшевый диван его вполне устроит. Вот что он больше всего ненавидел в тюрьме. Не людей, не еду и даже не тот факт, что это была тюрьма.

Хуже всего была проклятущая койка.

Виктор взял стопку и принялся бродить по гостиничному полу из ламината под дерево. Он был на удивление реалистичным, но не скрипел, и под ним можно было ощутить бетон. Его ноги слишком много времени простояли на бетоне – ошибки быть не могло.

Всю стену гостиной занимало окно от пола до потолка, в центр которого были вставлены балконные двери. Он открыл их и вышел на узенькую площадку на седьмом этаже. Воздух был свежим, и он с наслаждением дышал, опершись локтями о промороженные металлические перила и сжимая стопку, хотя лед настолько сильно охладил стекло, что пальцам было бы больно. Не то чтобы он это чувствовал.

Виктор устремил взгляд на Мирит. Даже в этот час город не спал: жужжащее, гудящее скопище людей, которое он ощущал, даже не напрягаясь. Однако в этот момент в окружении холодного металлического города и миллионов живых, дышащих, чувствующих людей он ни о ком из них не думал. Его глаза скользили по зданиям, однако мысли улетели далеко от них всех.

XI

Десять лет назад

Локлендский университет

– Ну что? – спросил Виктор ближе к ночи.

Он успел выпить. Пару раз. У них на кухне была полка с пивом для вечеринок, а запас крепкого алкоголя хранился в ящике под умывальником в ванной – на случай очень плохих дней… или очень хороших.

– Не выйдет, – заявил Эли.

Он увидел у Виктора в руке стопку и направился в ванную, чтобы налить и себе тоже.

– Это не совсем так, – возразил Виктор.

– У нас не выйдет обеспечить должный уровень контроля, – уточнил Эли, делая большой глоток. – Не выйдет гарантировать выживание, не говоря уже о каких-то способностях. Клиническая смерть – это все-таки практически смерть. Слишком высок риск.

– А если это сработает…

– А если нет…

– Мы могли бы создать способ контроля, Эли.

– Достаточно надежный – нет.

– Ты спрашивал меня, хотелось ли мне когда-нибудь во что-то поверить. Да. Мне хочется верить в это. Мне хочется верить, что есть что-то большее. – У Вика через край стопки выплеснулось немного виски. – Что мы можем стать чем-то большим. Черт, мы можем стать героями!

– Мы можем умереть, – сказал Эли.

– Этот риск есть у всех живых.

Эли взъерошил себе волосы. Он был выбит из колеи, растерян. Виктору приятно было видеть его таким.

– Это же просто теория!

– Эли, все, что ты делаешь, не предназначено быть теорией. Я это в тебе вижу. – Виктор ужасно возгордился тем, что удалось с первой попытки облечь это наблюдение в слова – при его-то уровне опьянения! Тем не менее ему следовало прекратить говорить. Он не любил показывать другим, насколько внимательно наблюдает за ними, подражает им и копирует их. – Я это вижу, – завершил он негромко.

– По-моему, тебе хватит.

Виктор уставился в янтарную жидкость.

Моменты, которые определяют нашу жизнь, не всегда ясно видны. Они не всегда предупреждают «КРАЙ», и в девяносто девяти процентах случаев там нет ограждающего каната, под который надо поднырнуть, нет черты, которую надо пересечь, нет подписанного кровью договора или официального письма на

красивом бланке. Они не всегда растягиваются, переполненные значением. Между двумя глотками Виктор совершил самую большую ошибку в своей жизни, и она состояла всего из одной строчки. Из трех коротких слов.

«Я буду первым».

Он подумал об этом еще в машине по дороге из аэропорта, когда спросил: «А почему бы не попытаться?» Он думал об этом за ленчем и позже, пока шел по университету, допивая кофе, думал всю дорогу до общежития и квартир старшекурсников. Где-то между третьей и четвертой стопками знак вопроса превратился в точку. Выбора не было. На самом деле не было. Существовал только один способ выйти из категории наблюдателя за огромными достижениями Эли – стать участником. Вносить свой вклад.

– Что у тебя? – спросил он.

– Ты о чем?

Виктор выгнул светлую бровь, не принимая шутки. Эли не употреблял наркотики, но всегда их имел, как самый быстрый способ в Локлендском университете (и, как Виктор готов был спорить, в любом университете) заработать деньги или завести новых друзей. Тут Эли, похоже, понял, к чему Вик клонит.

– Нет.

Виктор уже нырнул обратно в ванную и вернулся с бутылкой виски, в которой еще много оставалось.

– Что у тебя есть? – повторил он вопрос.

– Нет.

Виктор вздохнул, прошел к журнальному столику и, схватив клочок бумаги, написал записку: «Посмотрите книги с нижней полки».

– Вот, – сказал он, вручая ее Эли. Тот недоуменно нахмурился. Вик пожал плечами и сделал еще глоток. – Я хорошо поработал над этими книгами, – объяснил он, хватаясь для надежности за подлокотник дивана. – Это поэзия. И лучшей предсмертной записки я сейчас не написал бы.

– Нет, – еще раз повторил Эли. Вот только слово получилось тихим и слабым, а огонь в его глазах начал разгораться. – Ничего не получится.

Однако, еще не договорив, он уже пошел к двери своей комнаты – к тумбочке, где, как Виктор знал, держал таблетки.

Виктор оттолкнулся от дивана и пошел следом.

* * *

Спустя полчаса, лежа на кровати с пустой бутылкой виски и пустым пузырьком болеутоляющих таблеток, выставленными рядом на тумбочке, Виктор вдруг подумал, не совершил ли он ошибку.

Сердце колотилось, слишком быстро прогоняя кровь по сосудам. В глазах все плыло, так что он их закрыл. Ошибка. Он резко сел, решив, что его вот-вот вырвет, но руки завалили его на спину и удержали на месте.

– Не пойдет, – сказал Эли, отпустив руки только после того, как Виктор сглотнул и сосредоточил взгляд на швах на потолке.

– Помни, о чем мы говорили, – повторял Эли.

Твердил что-то насчет того, чтобы не сдаваться. О силе воли.

Виктор не прислушивался: ничего толком не слышал из-за грохота в ушах. Как это его сердцу удается биться еще сильнее? Он больше не гадал, совершил ли ошибку. Он знал наверняка. Точно знал, что за все свои двадцать два года жизни ничего хуже этого плана он еще не придумывал. «Это неправильный способ», – сказала меркнущая рассудочная часть мозга, та часть, которая изучала адреналин, боль, страх. Не следовало запивать амфетамины виски, не следовало делать ничего, чтобы притуплять нервы и чувства, облегчать процесс. Вот

только он нервничал… боялся. Теперь он тупеет, и это пугало его даже сильнее, чем боль, потому что означало: он может просто… угаснуть.

Раствориться в смерти и даже этого не заметить.

«Так нельзя, нельзя, нельзя…» Но этот голос ускользал, сменяясь расползанием, утопанием…

«Все может получиться!»

Он протолкнул эту мысль сквозь отупляющую панику. Все может получиться, и, если действительно получится, ему необходим шанс удержать силу, данные, доказательства. Он хочет сам стать доказательством. Без этого все останется монстром самого Эли, а ему отведется роль пробного камня для идей Эли. И тогда он сам будет монстром – необходимой, неотъемлемой частью теорий Эли. Он попытался подсчитать плитки на потолке, но все время сбивался. Хотя сердце работало с максимальным напряжением, мысли стали вязкими, как сироп, и новые заливались раньше, чем успевали утечь прежние. Цифры наползали друг на друга и стали расплываться. Все начало расплываться. Кончики пальцев пугающе онемели. Не то чтобы они замерзли – казалось, его тело начало подтягивать энергию к центру и отключаться, с самых мелких частей. Хорошо хоть и тошнота ушла. Только ускоренный пульс предупреждал его о том, что тело отказывает.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Эли, подаваясь вперед на стуле, который придвинул к кровати.

Эли не пил, но глаза его сияли, лучились светом. Он не выглядел встревоженным. Не выглядел испуганным. Но, с другой стороны, это ведь не он вот-вот умрет.

Виктор как-то неправильно ощущал свой рот. Ему пришлось слишком сильно сосредоточиться, чтобы произнести нужные звуки.

– Плоховато, – с трудом выговорил он.

Они остановились на доброй старой передозировке сразу по нескольким причинам. Если попытка не удастся, будет проще всего объяснить происшествие. К тому же Эли сможет не вызывать «Скорую», пока они не окажутся в кризисной зоне. Если попасть в больницу слишком рано, то клинической смерти не будет – будет просто очень неприятная ситуация.

Оцепенение разъедало тело Виктора. Поднималось по рукам и ногам, забиралось в голову.

Его сердце остановилось, а потом снова забилось, но как-то неуверенно.

Эли снова заговорил – негромко и настоятельно.

С каждым разом Виктору становилось все труднее открывать глаза. А потом на секунду его пронзил страх. Страх смерти. Страх перед Эли. Страх всего, что может произойти. Страх того, что ничего не произойдет, – это чувство было внезапным и необычайно сильным.

Но вскоре оцепенение проглотило и это чувство.

Его сердце снова дало сбой, и появилась дыра, в которой следовало находиться боли, но Виктор был слишком пьян, чтобы ее почувствовать. Он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на сопротивлении, но темнота просто его поглотила. Он слышал, как Эли говорит, и, наверное, это было что-то важное, потому что Эли повышал голос так, как не делал никогда, вот только Виктор тонул, утекал прямо сквозь собственную кожу, сквозь кровать, сквозь пол – прямо в темноту.

XII

Два дня назад

Отель «Эсквайр»

Виктор услышал, как что-то ломается, и, опустив глаза, обнаружил, что слишком крепко стиснул стопку и раздавил стекло. Теперь он сжимал осколки, а его пальцы обвивали красные ленты. Раскрыл ладонь, и разбитое стекло полетело за перила и через семь этажей ссыпалось в кустарник, окружавший гостиничный

ресторан. Он всмотрелся в осколки, впившиеся в ладонь.

Никаких ощущений.

Виктор ушел в номер и встал у раковины, выковыривая из ладони самые крупные осколки стекла. Кусочки сверкали на нержавеющей стали. Он чувствовал себя неуклюжим и оцепеневшим, неспособным извлечь самые мелкие фрагменты, и потому закрыл глаза, глубоко вздохнул и стал впускать боль обратно. Вскоре вся кисть начала гореть, а ладонь раскрасилась тупой болью, которая помогла определить, где именно застряли последние осколки. Закончив вытаскивать стекло, он застыл на месте, уставившись на окровавленную ладонь. Слабые волны боли прокатывались вверх по запястью.

ЭкстраОрдинарность.

Слово, которое запустило в ход – испортило, изменило – все.

Он нахмурился, выкручивая свои нервы, словно ручкой настройки. Боль обострилась, превратилась в покалывание, расходящееся от ладони к кончикам пальцев и запястью. Он еще подкрутил ручку и скривился: покалывание перешло в одеяло боли, обернув все его тело, – не тупой, а режущей. У Виктора начали дрожать руки, но он не остановился, мысленно поворачивая ручку до тех пор, пока весь он не начал пылать, ломаться, раскалываться.

Подкосились ноги, и он оперся о столешницу окровавленной рукой. Боль отключилась, словно выбив предохранитель, оставив Виктора в темноте. Он резко выпрямился. Кровь продолжала течь, так что ему следовало найти аптечку, которую они принесли из машины для Сидни. Уже в который раз Виктор пожалел, что не может обменяться способностями с Эли.

Однако первым делом он стер кровь со столешницы и налил себе новую порцию выпивки.

XIII

Десять лет назад

Локлендский медицинский центр

Из ниоткуда пришла боль.

Не та боль, которую позже Виктор научится понимать, держать и использовать, а простая, совершенно человеческая боль от неудавшейся передозировки.

Боль и темнота, которые превратились в боль и цвет, а потом – в боль и слепящие больничные лампы.

Эли сидел на стуле у постели Виктора, точно так же как в их квартирке. Только здесь не было бутылок и таблеток. Зато были попискивающие аппараты, тонкие простыни и такая сильная головная боль, какой Виктор Вейл еще никогда не испытывал, в том числе и тем летом, когда решил устроить набег на коллекционные вина родителей, уехавших читать лекции в Европу. Голову Эли опустил, а пальцы чуть сцепил, как во время молитвы. Виктор предположил, что именно это Эли сейчас делает, и захотел, чтобы он прекратил.

– Ты выждал недостаточно долго, – прошептал он, когда убедился, что Эли уже не общается с Богом.

Эли поднял голову:

– Ты перестал дышать. Ты почти умер.

– Но все-таки не умер.

– Извини, – отозвался Эли, начав тереть глаза. – Я не мог…

Виктор бессильно упал на подушку. Наверное, ему надо было радоваться. Ошибиться в сторону «слишком рано» лучше, чем в сторону «слишком поздно». И все же. Он подцепил ногтем один из датчиков на груди. Если бы все получилось, почувствовал бы он себя по-другому? Взбесилась бы аппаратура? Разлетелись бы осколками люминесцентные лампы? Загорелись бы простыни?

– Что ты чувствуешь? – спросил Эли.

– Чувствую себя ослом, Кардейл! – огрызнулся Виктор.

Эли вздрогнул – больше из-за того, что его назвали по фамилии, чем из-за самого тона. Выпив по три стопки, вдохновленные предстоящим открытием, пока таблетки еще не начали действовать, они решили, что, когда все закончится, Эли будет называть себя Эвер, а не Кардейл, потому что это звучит круче, а в комиксах у героев часто бывают внушительные аллитерирующие имена. И не важно, что они не смогли вспомнить ни одного примера: в тот момент это казалось очень важным. В кои-то веки у Виктора появилось естественное преимущество, пусть и самое малюсенькое и незначительное, – то, как его имя и фамилия срывались с языка. Ему приятно было иметь нечто такое, чего не было у Эли, но что Эли хотел бы иметь. И может, Эли на самом деле это не волновало, может, он тогда просто старался удержать Виктора в сознании, но все равно, казалось, его задело, что Виктор назвал его Кардейлом, и сейчас этого было достаточно.

– Я тут подумал, – начал Эли, подаваясь вперед. Его руки и ноги переполняла энергия. Он стискивал пальцы, колени подрагивали. Виктор постарался сосредоточиться на том, что Эли говорит словами, а не телом. – Думаю, в следующий раз…

Он замолчал: появившаяся в дверях женщина вежливо кашлянула. Она не была врачом (белый халат отсутствовал), но бейджик у нее на груди определил ее как нечто гораздо худшее.

– Виктор? Меня зовут Мелани Пирс. Я штатный психолог локлендской больницы.

Эли повернулся к ней спиной и устремил суженные глаза на Виктора, предостерегая его. Он небрежно махнул Эли, одновременно предлагая тому удалиться и подтверждая, что ничего не скажет. Они уже так продвинулись! Эли встал, промямлил что-то насчет своего намерения позвонить Анджи и закрыл за собой дверь.

– Виктор… – Мисс Пирс произнесла его имя медленно, мурлычущим тоном, и провела рукой по волосам невнятно-коричневого цвета. Прическа у нее была пышная, характерная для немолодых южанок. Говор он не распознал, но тон был явно покровительственным. – Работники больницы сообщили мне, что с вашими близкими связаться не удалось.

Он подумал: «И слава богу», а вслух сказал:

– С родителями, да? Они читают лекции за границей.

– Ну, тогда в данных обстоятельствах вам следует знать, что…

– Я не пытался покончить с собой.

И это только отчасти было ложью.

Она покровительственно улыбнулась.

– Я просто увлекся празднованием.

А вот это уже полная ложь.

Чуть склоненная голова. Волосы у нее даже не шелохнулись.

– Учеба в Локленде довольно напряженная. Захотел расслабиться.

Правда.

Мисс Пирс вздохнула.

– Я вам верю, – сказала она. Ложь. – Но когда мы вас выпишем…

– А это будет когда?

Она поджала губы:

– Мы обязаны держать вас здесь трое суток.

– Мне надо на занятия.

– Это не обсуждается.

– Я не пытался покончить с собой.

Ее голос зазвучал менее дружелюбно, более честно, нетерпеливо – нормально.

– Тогда, может, вы объясните мне, что именно вы делали?

– Совершал ошибку.

– Мы все совершаем ошибки, – отозвалась она.

Виктора затошнило. Он не мог определить, вызвано ли это последствиями передозировки или ее расфасованной терапии. Он уронил голову на подушку и закрыл глаза, но она продолжала говорить:

– Когда мы вас выпишем, я порекомендую вам встречи с психотерапевтом Локленда.

Виктор застонал. Консультант Питер Марк. Мужчина с двумя именами вместо имени и фамилии, без чувства юмора и с чрезмерно сильным потоотделением.

– Это совершенно лишнее, – промямлил он.

Благодаря родителям в него впихнули столько психотерапии, что хватило бы на несколько жизней.

Мисс Пирс снова посмотрела на него свысока:

– По моему мнению, отнюдь не лишнее.

– Если я соглашусь, вы меня выпишете прямо сейчас?

– Если вы не согласитесь, вас исключат из университета. Вы проведете здесь трое суток и в течение этого времени будете беседовать со мной.

Следующие несколько часов он придумывал, как убить человека (мисс Пирс, а не самого себя). Может, если он ей об этом скажет, она сочтет это прогрессом… хотя вряд ли.

XIV

Два дня назад

Отель «Эсквайр»

Стопка грозила выскользнуть из перебинтованной руки Виктора, расхаживавшего по комнате. Сколько бы раз он ни проходил от одной стены до другой и обратно, его нервозность не уменьшалась. Вместо этого он только сильнее подзаряжался, так что при движении у него в голове потрескивали статические разряды. Желание заорать, или задергаться, или расколошматить новую стопку о стену накатило внезапно, так что он зажмурился и заставил свои ноги сделать то единственное, чего им не хотелось – остановиться.

Виктор застыл совершенно неподвижно, стараясь проглотить энергию, хаос и электричество и обрести вместо них тишину.

В тюрьме у него случались подобные эпизоды – поднималась точно такая же паника и обрушивалась волной. «Прекрати все это», – шипела, соблазняя, темнота. Сколько раз он сопротивлялся потребности протянуть не руки, а то, что в нем засело, и погубить все… и всех?

Вот только он не мог себе этого позволить. Ни тогда, ни сейчас. Он из одиночки-то сумел выбраться только благодаря тому, что убедил тюремных работников, полностью и целиком, что он нормальный, беспомощный, не опасный (или, по крайней мере, не более опасный, чем остальные четыреста шестьдесят три заключенных). Однако в те тюремные мгновения темноты его потребность сломать всех вокруг становилась буквально калечащей. Сломать их всех и просто выйти.

Сейчас, как и тогда, он ушел в себя, изо всех сил стараясь забыть, что у него вообще есть сила, которую можно обратить против других, есть прихоть, острая, как стекло. Сейчас, как и тогда, он приказал своему телу и разуму застыть,

успокоиться. Когда он закрывал глаза и искал тишину, как и тогда, навстречу ему всплывало слово – напоминание о том, почему ему нельзя сломаться: вызов, имя.

Эли.

XV

Десять лет назад

Локлендский медицинский центр

Эли плюхнулся на больничный стул у кровати Виктора, бросив рюкзак на пол. У Виктора только что закончился сеанс общения с больничным психологом, мисс Пирс, во время которого разбирали отношения с его родителями, которыми мисс Пирс, естественно, восхищалась. Мисс Пирс рассталась с ним с обещанием достать книгу с автографом и ощущением, что они добились значительных успехов. Виктор расстался с ней с мигренью и предписанием – встретиться с университетским психотерапевтом как минимум три раза. А в обмен на книгу с автографом он выторговал сокращение своего трехсуточного приговора до сорока часов. Теперь он сражался с больничным браслетом, который содрать не удавалось. Эли придвинулся к нему, достал перочинный ножик и перерезал странный бумажно-пластиковый материал. Виктор потер запястье и встал, после чего поморщился. Клиническая смерть, как выяснилось, дело неприятное. Все у него ныло – тупо и постоянно.

– Готов выметаться? – спросил Эли, подхватывая рюкзак.

– Господи, да! – отозвался Виктор. – Что в рюкзаке?

Эли улыбнулся.

– Я тут подумал, – сообщил он, шагая по стерильным коридорам, – про мою очередь.

Виктору стало трудно дышать.

– Гм?

– Это действительно было поучительно, – сказал Эли. Виктор пробормотал нечто неодобрительное, но Эли не успокоился. – Выпивка была ошибкой. И болеутоляющие тоже. Боль и страх неразрывно связаны с паникой, а паника стимулирует выброс адреналина и других веществ, связанных со стрессом. Как тебе известно.

Виктор сдвинул брови. Угу, ему это было известно. Не то чтобы спьяну его это волновало.

– Есть только определенное количество ситуаций, – продолжал Эли, выходя с Виктором через автоматические стеклянные двери на холодную улицу, – в которых мы способны обеспечить достаточно паники и одновременно достаточно контроля. В большинстве случаев эти два фактора взаимно друг друга исключают. Или, по крайней мере, они редко присутствуют одновременно. Чем выше контроль, тем меньше нужно паниковать, и тэдэ и тэпэ.

– Так что же в рюкзаке?

Они добрались до машины, и Эли швырнул предмет разговора на заднее сиденье.

– Все, что нам нужно. – Он широко улыбнулся. – Ну… все, кроме льда.

* * *

На самом деле, «все, что нам нужно» свелось к дюжине шприц-тюбиков с адреналином и двойному количеству одноразовых согревающих вкладок – таких, какие охотники засовывают в сапоги, а футбольные фанаты – в перчатки во время зимних матчей. Эли взял три шприца и разложил на кухонном столе рядом со стопкой вкладок, после чего сделал шаг назад и широко повел рукой в сторону Виктора, словно приглашая на пир. Полдюжины пакетов со льдом лежали рядом с мойкой, и ручейки конденсата текли по полу. За льдом они заехали по дороге домой.

– Ты это спер? – спросил Виктор, берясь за шприц-тюбик.

– Позаимствовал во имя науки, – уточнил Эли. Взяв вкладку, он перевернул ее, чтобы рассмотреть пленку, удаление которой служило механизмом активации. – Я дежурю в Локлендском медцентре с первого курса. Там и глазом не моргнули.

У Виктора снова разболелась голова.

– Сегодня? – спросил он, уже не в первый раз после того, как Эли изложил ему свой план.

– Сегодня вечером, – подтвердил Эли, отнимая у Виктора шприц. – У меня была мысль развести адреналин в физиологическом растворе, чтобы ты вводил его внутривенно: это обеспечило бы более надежное распределение, но так было бы медленнее, чем с уколами, и потребовало бы хорошего кровообращения. И потом, учитывая обстановку, мне подумалось, что лучше воспользоваться более удобным способом.

Виктор обвел взглядом припасы. Ввести адреналин будет просто, а вот непрямой массаж сердца более сложен – и травматичен. Виктор прошел курсы реанимации и интуитивно чувствовал тело человека, но риск все равно оставался. Ни доврачебная подготовка, ни врожденное умение не могут по-настоящему подготовить студента к тому, что они собираются сделать. Убить человека легко. Вернуть его обратно к жизни – требует не только точных измерений и лекарств. Это можно сравнить с работой мастера-кулинара, в отличие от обычного повара. Повару нужна просто дисциплина. Мастеру требуется чутье, искусство и удача. В данном случае – очень много удачи.

Эли что-то сказал, и Виктор неохотно вынырнул из задумчивости.

– Чего? – спросил он.

– Время уже позднее, – повторил Эли, указывая на окно за мойкой. Небо быстро темнело. – Пора готовиться.

* * *

Виктор опустил пальцы в ледяную воду и отшатнулся. Рядом с ним Эли взрезал последний пакет: глядел, как тот лопается, и вываливал лед в ванну. Когда они вскрывали первые пакеты, лед трескался, раскалывался и наполовину растворялся, но вскоре вода стала достаточно холодной, чтобы таяние кубиков прекратилось. Виктор попятился к раковине и привалился к ней. Три шприц-тюбика с адреналином касались его руки.

К этому моменту они уже несколько раз проговорили порядок действий. У Виктора чуть дрожали пальцы. Он стиснул край раковины, чтобы прекратить тремор, а Эли снял с себя джинсы, свитер и, наконец, рубашку, открыв череду бледных шрамов, исполосовавших его спину. Шрамы были старыми, превратившись почти в тени. Виктор и раньше их видел, но ни разу о них не спросил. Теперь, когда он осознал вполне реальную вероятность того, что этот разговор с другом станет последним, его одолело любопытство. Он попытался сформулировать вопрос, но этого делать не понадобилось: Эли ответил без понуканий.

– Это сделал отец, когда я был мальчишкой, – тихо проговорил он. Виктор затаил дыхание. За два с лишним года Эли ни разу не упомянул своих родителей. – Он был священником. – Голос звучал отстраненно, и Виктор не мог не обратить внимания на «был». Прошедшее время. – По-моему, я тебе об этом никогда не говорил.

Виктор не знал, что сказать, так что произнес самую бесполезную фразу на свете:

– Мне жаль.

Эли отвернулся и пожал плечами: шрамы на спине изогнулись при движении.

– Все разрешилось.

Он шагнул к ванне, уперся коленями в фарфоровый край и уставился в блестящую поверхность воды. Виктор поймал его взгляд на воду, ощущая странную смесь любопытства и тревоги.

– Тебе страшно? – спросил он.

– Безумно, – признался Эли. – А тебе не было?

Виктор смутно припомнил искру страха – совсем крошечную. Она мелькнула и тут же погасла под действием таблеток и виски. Он пожал плечами.

– Выпить хочешь? – предложил он.

Эли качнул головой.

– Алкоголь нагревает кровь, Вейл, – сказал он, все так же не отрывая взгляда от ледяной воды. – Это не совсем то, чего я добиваюсь.

Виктор гадал, действительно ли Эли сможет это сделать или же от холода его маска непринужденности и обаяния треснет, расколется, обнаружив под собой нормального парня. Ручки ванны оказались под ледяной поверхностью. Перед ужином они провели репетицию (у обоих особого аппетита не было): Эли забрался в тогда еще пустую ванну, ухватившись за ручки и пристроив пальцы ног под выступом в ногах ванны. Виктор предложил использовать шнур, к примеру, привязать Эли чем-то к ванне, но Эли отказался. Виктор не знал, было ли это бравадой или тревогой за состояние своего тела в случае неудачи.

– Уже со дня на день, – сказал Виктор, пытаясь снять напряжение.

Когда Эли не пошевелился и не ответил хотя бы слабой улыбкой, Виктор отошел к унитазу, на закрытой крышке которого стоял его ноутбук. Он зашел в раздел музыки и включил воспроизведение, наполнив тесное кафельное помещение мощным ритмом рока.

– Лучше бы тебе привернуть эту штуку, когда будешь нащупывать пульс, – заметил Эли.

А потом он закрыл глаза. Его губы слабо шевелились, и хотя руки остались висеть плетьми, Виктор понял, что Эли молится. Ему было непонятно, как человек, собравшийся взять на себя роль Бога, может молиться Ему, но его друга это явно не смущало.

Когда глаза Эли открылись, Виктор спросил:

– Что ты Ему сказал?

Эли занес босую ногу над ванной, глядя на ее содержимое.

– Вручил свою жизнь в Его руки.

– Ну что ж, – серьезно отозвался Виктор, – будем надеяться, что Он ее вернет.

Эли кивнул, быстро вздохнул (Виктору показалось, что вдох вышел чуть прерывистым) и залез в ванну.

* * *

Виктор сидел на краю ванны и, сжимая стопку, смотрел на труп Эли Кардейла.

Эли не кричал. Боль была начертана на каждой из сорока трех мышц, которые, как выучил Виктор на занятиях по анатомии, переплетались на человеческом лице, но максимум, что себе позволил Эли, – это тихо застонать сквозь стиснутые зубы в тот момент, когда его тело только погружалось в ледяную воду. Виктор едва обмакнул в нее пальцы, но холода оказалось достаточно, чтобы искра боли пробежала по всей его руке. Ему хотелось ненавидеть Эли за сдержанность, он почти надеялся (почти надеялся), что тот не выдержит такого. Что он сломается, сдастся – и Виктор поможет ему вылезти из ванны, нальет выпивки, и они вдвоем станут обсуждать свои неудачные попытки, а позже, когда пройдет достаточно времени, станут шутить над тем, как пострадали во имя науки.

Виктор сделал еще глоток. Тело Эли приобрело нездоровый белесо-голубой цвет.

Все заняло не так много времени, как он ожидал. Эли затих несколько минут назад. Виктор отключил музыку, но мощный ритм продолжал раздаваться в голове, пока он не понял, что это его сердце. Когда Вик решился опустить руку в ледяную ванну, чтобы проверить пульс у Эли (едва сдержав вскрик от острого холода), то пульса не оказалось. Тем не менее он решил выждать еще несколько минут и поэтому налил себе выпить. Если Эли удастся вернуться, он не сможет обвинить Виктора в поспешности.

Когда стало очевидно, что тело в ванне само по себе не оживет, Виктор отставил стопку и принялся за дело. Труднее всего оказалось вытащить Эли из ванной: тот был намного выше Виктора, застыл и погрузился в полную ледяной воды ванну. После нескольких неудачных попыток и потока ругани (Виктор обычно был молчаливым, и это качество только усиливалось при стрессе, из-за чего сверстники считали, будто он знает, что делает, даже когда это было не так) он рухнул на кафель, и тело Эли упало рядом – с тошнотворным стуком мертвого груза. Виктор вздрогнул. Он взялся не за адреналиновые шприцы, а, помня указания Эли, за стопку полотенец и согревающих вкладок. Он быстро вытер тело, а потом активировал вкладки и наложил на жизненно важные точки: голову, затылок, запястья, пах. Наступила та часть плана, которая требовала удачи и искусства. Виктору надо было решить, в какой момент тело согреется достаточно, чтобы начать массаж. Слишком ранняя попытка – при слишком низкой температуре адреналин перенапряг бы сердце и другие органы. Слишком поздняя означала бы, что он выжидал слишком долго, а слишком долгое ожидание сильно повышало вероятность того, что Эли окажется безвозвратно мертвым.

Виктор включил в ванной инфракрасную лампу, хотя сам обливался потом, и сгреб три шприца со столика: три было пределом, и он знал, что если после третьей дозы сердце не запустится, то уже слишком поздно, и положил их рядом с собой на кафель. Он поправил их так, чтобы они лежали ровным рядком, и эта мелочь создала иллюзию контроля на время ожидания. Каждые несколько секунд он проверял у Эли температуру – не термометром, а собственной кожей. Во время репетиции выяснилось, что у них нет градусника, и Эли, в редкой для него демонстрации нетерпения, настоял, чтобы Виктор положился на свое чутье. Это могло стать смертным приговором, но вера Эли в Виктора базировалась на том, что в Локленде все были уверены в его сродстве с медициной – непринужденном, почти сверхъестественном понимании организма человека (на самом деле, оно не было непринужденным, но Виктор действительно часто попадал в точку). Тело – это механизм, всего лишь набор необходимых деталей, где все компоненты на всех уровнях, начиная с мышц и костей и кончая биохимией и клетками, работают на основе воздействия и ответа. Для Виктора все это выглядело просто логичным.

Когда Эли показался достаточно теплым, Виктор начал массаж. Температура плоти под его руками повышалась, так что тело перестало напоминать эскимо и стало больше походить на труп. Он содрогнулся, когда под соединенными кистями затрещали ребра, но не стал останавливаться. Он знал, что если ребра

не будут отделяться от грудины, то сдавливание окажется слишком слабым, не коснувшись сердца. После нескольких движений он сделал паузу, схватил первый шприц и воткнул Эли в бедро.

Раз и, два и, три и…

Никакой реакции.

Он снова начал массаж, стараясь не задумываться о переломах ребер и о том, что Эли выглядит полностью и несомненно мертвым. Плечи у Виктора ныли, и он боролся с желанием покоситься на свой мобильник, который выпал из кармана во время попыток извлечь Эли из ванны. Он зажмурился и продолжил считать и двигать сцепленные руки вверх и вниз, вверх и вниз над сердцем Эли.

Ничего не происходило.

Виктор взял второй шприц и вколол Эли в бедро.

Раз и, два и, три и…

По-прежнему ничего.

Впервые паника наполнила рот Виктора, словно желчь. Он судорожно сглотнул и возобновил массаж. Единственными звуками в ванной были тихий счет, сердцебиение – его собственное, а не Эли – и какие-то странные звуки, которые исходили из-под его рук, отчаянно пытающихся снова запустить сердце его лучшего друга.

Пытающихся… безуспешно.

Виктор начал отчаиваться. У него заканчивалась надежда, заканчивались шприцы. Остался всего один. Его трясущаяся рука соскользнула с груди Эли, пальцы сжали шприц. Он поднял его – и замер. На кафеле лежало безжизненное тело Эли Кардейла. Эли, который возник в коридоре во время второго курса с чемоданом и улыбкой. Эли, который верил в Бога и в котором пряталось чудовище, как и в Викторе, но только он умел лучше его скрывать. Эли, которому все сходило с рук, который пробрался в его жизнь, украл его девушку

и первое место на курсе и дурацкий грант на каникулярное исследование. Эли, который, несмотря на все это, был важен Виктору.

Он сглотнул и вогнал шприц своему мертвому другу в грудь.

Раз и, два и, три и…

Ничего.

И тут, за секунду до того, как сдавшийся Виктор взялся за телефон, Эли шумно вздохнул.

XVI

Два дня назад

Отель «Эсквайр»

Виктор услышал за спиной шаги босых ног: в комнату вошел Митч. Он увидел массивную фигуру в зеркалящем оконном стекле, ощутил его так, как ощущал всех: словно все находятся под водой, в том числе и он сам, и любое движение вызывает волны.

– Ты бродишь, – отметил Митч, встретив взгляд Виктора в стекле.

Это была короткая привычная фраза: Митч часто ее использовал, когда обнаруживал, что Виктор устремил взгляд за решетку и чуть щурится, словно пытаясь разглядеть сквозь стены что-то далекое. Что-то важное.

Виктор моргнул, переводя взгляд с окна и призрачного отражения Митча на пол из поддельного дерева. Шаги Митча удалились на кухню, тихо открылась дверца холодильника, из которого достали пакет. Шоколадное молоко. Митч только его и желал пить после побега: в «Райтоне» его не давали. Виктор заламывал бровь, но не мешал его причудам. Тюрьма оставляла после себя голод… острую тягу. Конкретная природа желания зависела от человека.

Виктор тоже кое-чего хотел.

Он хотел увидеть, как Эли истекает кровью.

Митч уперся локтями в стол и молча выпил молоко. Виктор считал, что у его сокамерника после освобождения могут быть свои планы, намерение кого-то увидеть, но тот только посмотрел на Виктора поверх угнанной машины и спросил: «Куда теперь?» Если у Митча и было какое-то прошлое, он явно продолжал от него убегать – и тем временем Виктор был более чем готов дать ему направление бега. Ему нравилось делать людей полезными.

Постепенно его взгляд ушел за отражение Митча в ночь Мирита, и лед в стопке тихо звякнул в державшей ее руке. Они много времени провели в обществе друг друга. Они знали, когда другому хочется поговорить, а когда – подумать. Единственная проблема заключалась в том, что Виктору чаще всего хотелось подумать, а Митчу чаще всего хотелось поговорить. Виктор почувствовал, как Митч под грузом тишины начинает ерзать.

– Ничего так вид, – отметил он, наклоняя стопку в сторону окна.

– Угу, – отозвался Митч. – Давненько не любовался настолько впечатляющим видом. Надеюсь, что в следующем месте, куда мы отправимся, будут такие же окна.

Виктор снова кивнул, довольно рассеянно, и прижался лбом к прохладному окну. Он не мог себе позволить думать про «следующие» или «после». Он слишком много времени провел, думая про «сейчас». Ожидая «сейчас». «Следующие» в его мире были короткими и быстрыми, отделяющими его от Эли. И они так быстро улетали!

Митч зевнул.

– Ты точно в порядке, Вик? – спросил он, возвращая пакет в холодильник.

– В полном. Спокойной ночи.

– Ночи, – сказал Митч, бредя к себе в комнату.

Виктор наблюдал в стекле за уходящим Митчем, а потом два бледных пятна – его собственные глаза, отраженные на фоне темных зданий, – вернули его обратно. Виктор отвернулся от огромных окон и допил стопку.

На журнальном столике у дивана лежала папка, из которой вывалилось несколько листков. Лицо спокойно смотрело со снимка: правые глаз и щека прятались под папкой. Виктор поставил пустую стопку на столешницу и отбросил обложку, открывая лицо целиком. Это была страница газеты «Нэшнл Марк», которую он купил этим утром.

ГРАЖДАНИН-ГЕРОЙ СПАСАЕТ БАНК

Ниже шла статья о молодом, но не по годам зрелом мужчине, который оказался в нужном месте в нужное время и рискнул жизнью, чтобы остановить вооруженного грабителя в отделении банка.

«Банк «Смит и Лодер», один из важнейших центров северного финансового района Мирита, вчера стал местом сорвавшегося ограбления: гражданин не пропустил нападавшего в маске к деньгам. Герой, пожелавший остаться неназванным, сообщил властям, что в нескольких кварталах от банка заметил подозрительного мужчину и что беспокойство заставило его пройти следом. Перед банком мужчина натянул маску, и к тому моменту, когда гражданин его догнал, тот уже ворвался внутрь. Демонстрируя бесстрашие, гражданин вошел за ним. По словам клиентов и служащих, находившихся в помещении, грабитель сначала казался невооруженным, но затем открыл огонь из неустановленного оружия по витражному потолку, так что разбившиеся осколки посыпались на захваченных в заложники людей. Затем он прицелился в банковский сейф, но отвлекся на появившегося гражданина. Управляющий банком сообщает, что грабитель навел оружие на попытавшегося вмешаться гражданина – и воцарился хаос. Раздались выстрелы, и в суматохе клиентам и служащим удалось выбежать из здания. К моменту прибытия полиции все уже закончилось. Грабитель, которого позже опознали как психически неуравновешенного мужчину по имени Барри Линч, был в драке убит, а сам гражданин травм не получил. Это был гадкий день со счастливым концом и поразительная демонстрация мужества жителя Мирита. Нет сомнений, что город счастлив

видеть на своих улицах такого героя».

Виктор по своему обычаю вымарал большую часть текста, и в результате осталось следующее:

……. местом…… гражданин…… Герой……. остаться неназванным…. беспокойство…… бесстрашие….. в суматохе….. травм не получил….. поразительная демонстрация…..

Это принесло Виктору некоторое успокоение (такое вымарывание слов), однако и в этом виде статья не меняла того, что некоторые вещи тут явно выглядели странно. Во-первых, сам грабитель. Барри Линч. Виктор поручил Митчу собрать информацию, и из того немногого, что им удалось нарыть, у Барри было несколько признаков ЭО. Он не только перенес клиническую смерть, но и в течение следующих месяцев неоднократно был под арестом – каждый раз за грабеж с использованием неустановленного оружия. Полиция ни разу не нашла при нем оружия, так что его отпускали. Виктор не мог не заподозрить, что оружием стал сам Барри.

Но еще более любопытным и тревожным, чем возможный ЭО, был фотографический снимок гражданина-героя. Он пожелал остаться неназванным, однако безымянность и анонимность – вещи разные, особенно для газет, так что под заметкой было напечатано фото. Зернистый снимок молодого человека, отворачивающегося от места происшествия и камер, но бросающего последний, почти нахальный взгляд на журналистов.

Улыбка на лице мужчины была безошибочно узнаваемой – молодая и гордая, точно такая же, какую он когда-то адресовал Виктору. Совершенно та же улыбка.

Потому что Элиот Кардейл не постарел ни на день.

XVII

Десять лет назад

Локлендский университет

Эли сделал несколько судорожных вдохов, прижимая руки к груди. Его глаза пытались открыться, старались сфокусироваться. Он осмотрел ванную комнату, лежа на брошенном на пол одеяле, а потом перевел неуверенный взгляд на Виктора.

– Эй, – с трудом произнес он.

– Эй, – отозвался Виктор, еще не отошедший от панического страха. – Как ты себя чувствуешь?

Эли закрыл глаза и повел головой из стороны в сторону.

– Не… не знаю… Отлично… вроде.

Отлично? Виктор наваливался ему на ребра, переломал не меньше половины из них, судя по своим ощущениям, а Эли чувствует себя отлично? Виктор чувствовал себя полумертвым. Даже хуже. Как будто каждую частицу его существа вырвали, перекрутили или завязали. Но, с другой стороны, Виктор ведь и не умирал, так? Не до такой степени: Эли точно умер. Он сидел и смотрел, позаботился о том, чтобы Элиот Кардейл превратился в замороженный труп. Может, дело в шоке. Или в трех уколах адреналина. Да, конечно, дело в этом. Но даже с учетом шока и отнюдь не полезной дозы адреналина… отлично?

– Отлично? – переспросил он.

Эли пожал плечами.

– А ты можешь…

Виктор толком не знал, как закончить свой вопрос. Если их нелепая теория оказалась верной и Эли каким-то образом приобрел необычную способность, просто умерев и вернувшись, то будет ли он вообще об этом знать?

Похоже, Эли понял, как заканчивается его вопрос.

– Ну, я не могу усилием воли зажечь огонь, или устроить землетрясение, или еще что… Но я не умер.

Виктор услышал, что его голос чуть дрожит от облегчения.

Теперь, когда они сидели на кипе мокрых одеял и полотенец на залитом водой полу ванной, весь их эксперимент казался идиотизмом. Как они могли так рисковать? Эли еще раз протяжно и тихо вздохнул и встал на ноги. Виктор поспешно подхватил его под руку, но Эли оттолкнул его.

– Я же сказал, что все отлично.

Он вышел из ванной, стараясь не смотреть на воду, и исчез в своей комнате, чтобы взять одежду. Виктор в последний раз запустил руку в ледяную воду и вытащил пробку. К тому моменту, когда он прибрался в ванной, Эли вышел обратно в коридор, полностью одетый. Он рассматривал себя в зеркале, чуть хмуря брови.

Эли потерял равновесие и уперся рукой в стену, чтобы удержаться на ногах.

– Кажется, мне надо… – начал он.

Виктор ожидал, что фраза закончится словами «к врачу», но Эли встретился с ним взглядом в зеркале, улыбнулся (не самой лучшей из своих улыбок) и сказал:

– Выпить.

Тогда Виктор тоже заставил свои губы сложиться в подобие улыбки.

– Это я могу устроить.

* * *

Эли настоял, чтобы они куда-нибудь пошли.

Виктор считал, что они вполне могли бы напиться у себя в квартире, но поскольку травма Эли была последней по времени и он был довольно-таки решительно настроен на выход из дома, возможно, желая это отметить, Виктор пошел ему навстречу. Теперь они оба оставили порог трезвости далеко позади (или, по крайней мере, это сделал Виктор: Эли оставался на удивление ясно мыслящим, учитывая количество поглощенного ими спиртного) и, покачиваясь, брели по улице, которая столь удачно вела от местного бара к их дому, устраняя необходимость в транспортном средстве.

Несмотря на приподнятое настроение, они оба старались не касаться того, что только что произошло и насколько Эли… да на самом деле им обоим… повезло. Они не стремились это обсуждать, а в отсутствие признаков ЭкстраОрдинарности (не считая ощущения экстраординарного везения) у обоих не было причин торжествовать – можно было только благодарить судьбу, что они охотно делали на пути к дому, поднимая воображаемые, но полные до краев бокалы к небу. Они лили невидимое питье на асфальт в качестве даров Земле, Богу, судьбе или тем силам, которые позволили им развлечься и выжить, осознав, что ничего большего за этим не было.

Виктору было тепло, несмотря на снегопад: он чувствовал себя живым и даже радовался остаткам боли, вызванной его собственной близостью к смерти. Эли ошеломленно улыбнулся ночному небу… и сошел с тротуара. Вернее, попытался. Его каблук попал на самый край бордюрного камня, и он споткнулся и упал на четвереньки прямо на грязный снег со следами шин и осколками стекла. Он зашипел и попятился, и Виктор увидел кровь – красное пятно на грязной, присыпанной снегом улице. Эли сел на бордюр, развернув ладонь к ближайшему фонарю, чтобы лучше рассмотреть прочертивший ее порез с остатками брошенной кем-то пивной бутылки.

– Ух! – сказал Виктор, наклоняясь над ним, чтобы осмотреть порез, и чуть не потерял равновесие.

Он ухватился за фонарный столб, а Эли тихо выругался и вытащил самый крупный осколок.

– Швы накладывать придется?

Он поднес окровавленную ладонь к глазам Виктора – как будто глаза и рассудок друга в этот момент работали лучше его собственных. Виктор прищурился, готовясь дать ответ с максимально возможной убедительностью, – и тут что-то произошло.

Порез у Эли на ладони стал закрываться.

Мир, раскачивавшийся у Виктора перед глазами, внезапно замер. Отдельные снежинки повисли в воздухе, облачка пара замерли у их губ. Никакого движения не было, если не считать заживающую плоть Эли.

И Эли, видимо, это почувствовал: он опустил руку себе на колени, и они оба смотрели, как зарастает порез от мизинца до большого пальца. В считаные секунды кровотечение прекратилось (уже пролившаяся кровь высыхала на коже), а рана превратилась всего лишь в складочку, в бледный шрам – а потом и этого не стало.

Порез просто… исчез.

За несколько мгновений они прожили часы, осознавая, что это означает, чего они добились. Это было экстраординарно.

ЭкстраОрдинарно.

Эли потер большим пальцем новую кожу на ладони, но высказался первым Виктор, причем с красноречием и выразительностью, которые идеально соответствовали ситуации:

– Господи, вот дерьмо!

* * *

Виктор уставился вверх – в то место, где край крыши их дома встречался с облачной ночью. Стоило закрыть глаза, и у него появлялось чувство, будто он падает, оказывается все ближе и ближе к кирпичам, так что он старался держать глаза открытыми, сосредоточившись на странном шве наверху.

– Идешь? – спросил Эли.

Он держал дверь открытой и чуть не прыгал на месте в своем нетерпении поскорее попасть в дом и найти что-то, чем можно было бы нанести себе физическую травму. В его глазах пылал радостный огонь. И хотя Виктор не то чтобы его винил, но у него не было никакого желания всю ночь сидеть и смотреть, как Эли себя ранит. Он уже насмотрелся на это по дороге домой: Эли делал попытку за попыткой, оставляя на снегу следы крови, которая успевала пролиться до того, как раны заживали. Он уже оценил способность. Эли стал ЭО в регенерирующей плоти. Виктор ощутил кое-что, когда Эли вернулся к жизни вроде бы без ЭО-способностей: облегчение. Теперь, когда в его окосевшие глаза всю дорогу домой тыкали новыми способностями Эли, облегчение превратилось в волны паники. Он скатится до роли подручного, стенографиста и стал всего лишь пробным камнем для идей Эли.

Нет.

– Вик, так ты идешь или нет?

Виктора снедали любопытство и зависть, и единственным известным ему способом справиться с обоими этими чувствами, подавить желание лично нанести Эли травмы (или, по крайней мере, попытаться это сделать) было уйти.

Он мотнул головой и резко замер: окружающий мир продолжил качаться из стороны в сторону.

– Ты иди, – сказал он, изобразив улыбку, которая не достигла его глаз. – Иди, поиграй с острыми предметами. Мне надо прогуляться.

Он спустился по лестнице, дважды чуть не упав за три ступеньки.

– А ты в состоянии идти, Вейл?

Виктор отмахнулся от него.

– Я же не за руль сажусь. Просто подышу немного.

И с этими словами он направился в темноту, имея перед собой две цели.

Первая была простой: оказаться как можно дальше от Эли, чтобы не сделать чего-то такого, о чем он потом пожалеет.

Вторая была сложнее, и все тело болело от одной только мысли о подобном, но выбора у него не было.

Ему нужно было спланировать свою следующую попытку умереть.

XVIII

Два дня назад

Отель «Эсквайр»

«Я хочу верить, что есть что-то большее. Что мы можем стать чем-то большим. Черт, мы могли бы стать героями».

Виктору стало трудно дышать при виде неизменившегося лица Эли на газетном снимке. Это сбивало с толку: от Эли у него остался только мысленный образ десятилетней давности – и тем не менее этот образ идеально совпадал с тем, что был на газетной полосе, словно два экземпляра одного слайда. То же самое лицо по всем физическим параметрам… и в то же время – нет. Годы отразились на Викторе более явно, сделав его жестче, но и Эли они не оставили нетронутым. Он не выглядел повзрослевшим ни на один день, однако та заносчивая улыбка, которую он частенько демонстрировал в колледже, сменилась чем-то более жестоким. Как будто маска, которую он так долго носил, наконец спала, а таилось под ней вот это.

И Виктор, который так хорошо умел все разбирать на части и понимать, как они устроены… как он сам устроен… смотрел на фото и испытывал противоречивые чувства. «Ненависть» была слишком простым словом. Они с Эли были связаны – кровью, смертью, наукой. Они были похожи – сейчас больше, чем когда-либо. И ему не хватало Эли. Ему хотелось его увидеть. И хотелось увидеть, как он страдает. Увидеть глаза Эли, когда он, Виктор, зажжет в них боль. Хотелось добиться его внимания.

Эли был как заноза, вонзившаяся Виктору под кожу, и это было больно. Виктор способен был отключить все нервы в своем теле, но ничего не мог поделать с тем саднящим чувством, которое ощущал при мысли о Кардейле. В онемении самым неприятным было именно то, что оно устраняло все – но не это, не удушающую потребность травмировать, сломать, убить, которая обволакивала его, словно толстая пелена сиропа, так что он в панике возвращал физические ощущения обратно.

Теперь, когда он подобрался так близко, заноза словно вошла глубже. Что Эли делает здесь, в Мирите? Десять лет – большой срок. Десятилетие способно сформировать человека, полностью его изменить. Оно изменило Виктора. А что насчет Эли? Кем стал он?

Вик дернулся от внезапного желания сжечь снимок, разорвать в клочки – словно повреждение бумаги могло как-то отразиться на Эли… Но они, конечно, не могли. Ничто не способно ему навредить. И потому Виктор сел и отложил газету подальше, чтобы не поддаться соблазну ее испортить.

В газете Эли назвали героем.

Виктор захохотал на этом слове. Не только потому, что это было абсурдом, но и потому, что ставило вопрос. Если Эли действительно герой, а Виктор вознамерился его остановить, то не превращает ли это его самого в злодея?

Он сделал большой глоток спиртного, откинул голову на спинку дивана и решил, что его это не смущает.

XIX

Десять лет назад

Локлендский университет

Когда на следующий день Виктор вернулся домой с лабораторной работы, то обнаружил Эли за кухонным столом – вспарывающим себе кожу. На нем были те же спортивные брюки и толстовка, в которых Виктор видел его накануне ночью,

когда наконец вернулся с прогулки, немного протрезвев и составив первые наметки плана. Теперь Виктор захватил шоколадный батончик, повесил рюкзак на спинку кухонного стула и плюхнулся на него. Вскрыв обертку, он постарался не обращать внимания на то, как пропадает аппетит при виде занятия Эли.

– А тебе сегодня не надо дежурить в больнице? – спросил Виктор.

– Это даже не сознательный процесс, – благоговейно прошептал Эли, проводя лезвием ножа по руке: рана заживала следом за движением ножа, цветком появляющейся и исчезающей крови, словно тошнотворный цирковой трюк. – Я не могу прекратить восстановление ткани.

– Бедняга! – холодно поддел его Виктор. – А теперь, извини…

Он выразительно приподнял батончик.

Эли оставил нож прямо в ране.

– Брезгуешь?

Виктор пожал плечами.

– Просто легко отвлекаюсь, – ответил он. – Выглядишь ужасно. Ты спал? Ел?

Эли моргнул и отложил нож.

– Думал.

– Организм мыслями не питается.

– Думал об этой способности. О регенерации. – Глаза у него блестели. – Почему из всех возможных способностей у меня оказалась именно она? Может, все не случайно. Может, есть какая-то корреляция между личностью и получаемой способностью. Может, это – отражение психики. Я пытаюсь понять, как вот это, – он поднял окровавленную, но неповрежденную руку, – отражает меня. Почему Он решил дать мне…

– Он?! – переспросил Виктор недоверчиво. Сегодня он был не в том настроении, чтобы говорить о Боге. – Согласно твоей теории, – заявил Вик, – поступление адреналина и желание выжить дали тебе этот талант. Не Бог. Тут нет высших сил, Эли. Это наука и вероятность.

– Возможно, до какой-то степени. Но когда я забирался в воду, я доверил себя Ему…

– Нет! – огрызнулся Виктор. – Ты доверил себя мне!

Эли замолчал, но начал барабанить пальцами по столу. Через несколько секунд он объявил:

– Мне нужен пистолет.

Виктор, откусивший от батончика, чуть не подавился.

– И зачем это?

– Чтобы по-настоящему проверить скорость регенерации, конечно же!

– Конечно же. – Виктор закончил перекус. Эли встал налить себе воды. – Послушай, я тут тоже думал.

– О чем? – спросил Эли, приваливаясь к столу.

– О моей попытке.

Эли сдвинул брови:

– Ты ее уже сделал.

– О моей следующей попытке, – уточнил Виктор. – Я хочу этим вечером снова попытаться.

Эли посмотрел на Виктора, склонив голову к плечу.

– По-моему, это плохая идея.

– Почему это?

Эли немного поколебался.

– Я все еще вижу след от твоего больничного браслета, – сказал он наконец. – По крайней мере, подожди, пока не почувствуешь себя лучше.

– По правде говоря, я чувствую себя хорошо. Более чем. Отлично себя чувствую. Цветочки, солнце, блеск.

На самом деле Виктор Вейл чувствовал себя не блестяще. Мышцы ныли, вены казались странно лишенными воздуха, и никак не удавалось избавиться от головной боли, которая преследовала его с того момента, как он открыл глаза под ярко-белым светом больничных ламп.

– Дай себе время восстановиться, ладно? – предложил Эли. – И тогда мы поговорим о новой попытке.

В этих словах не было ничего явно неправильного, но Виктору не понравилось то, как они были сказаны: тем же спокойным, осторожным тоном, каким люди пользуются, когда хотят кого-то постепенно подвести к отказу, пригладив «нет» до «не сейчас». Что-то было не так. И внимание Эли уже уходило обратно к ножам. Уходило от Виктора.

Он стиснул зубы, чтобы удержать вертящееся на языке ругательство, и старательно пожал плечами.

– Ладно, – сказал он, подхватывая рюкзак. – Наверное, ты прав, – добавил он с зевком и ленивой улыбкой. Эли ответно улыбнулся, и Виктор повернул к коридору и своей комнате.

Незаметно прихватив по дороге шприц-тюбик с адреналином, он закрыл за собой дверь.

* * *

Громкую музыку Виктор ненавидел почти так же сильно, как толпы пьяных. На вечеринке присутствовало и то и другое, и это становилось еще невыносимее, потому что сам Виктор был трезв. Никакого пойла. На этот раз – нет. Ему нужно… необходимо… чтобы все было четким, особенно если он собирается проделать все в одиночку. Эли по-прежнему, надо полагать, сидит в квартире и режет себе кожу, считая, что Виктор сидит у себя в комнате – дуется, зубрит… или и то и другое одновременно. А на самом деле Виктор сбежал через окно.

Он снова почувствовал себя подростком – пареньком, улизнувшим на вечеринку накануне учебного дня, пока родители сидят в гостиной и смеются над чем-то безмозглым в телевизоре. По крайней мере, Виктор воображал, что все было бы именно так, если бы ему потребовалось улизнуть. Если бы дома был кто-то, кто мог бы его за этим застукать.

Виктор шел сквозь вечеринку почти незамеченным, но вполне желанным гостем. На него изредка поглядывали, но в основном потому, что он редко появлялся на подобных мероприятиях. Он был чужаком по собственному выбору – и достаточно хорошим притворой, чтобы обаянием добиваться признания групп, хотя чаще всего предпочитал оставаться в стороне и наблюдать, тогда как большинство студентов готовы были ему это позволить.

Однако сейчас он был здесь – пробирался через людей, музыку и липкие полы с дозой адреналина во внутреннем кармане пиджака. К шприцу была приклеена бумажка с надписью: «Используй меня». Сейчас, в окружении огней, шума и тел, Виктору казалось, что он случайно забрел в иной мир. Вот чем занимаются нормальные старшекурсники? Пьют и танцуют, соединяя тела, как кусочки мозаики, под такую громкую музыку, что все мысли глушит? На первом курсе Анджи водила его на несколько вечеринок, но те были другими. Он не помнил ничего про музыку или пиво – только про нее. Виктор сморгнул это воспоминание. Влажными от пота руками он взял пластиковый стаканчик и вылил его содержимое в горшок с чахнущим цветком. Если держать что-то в руках, то становится легче.

В какой-то момент Виктор очутился на балконе, глядя на замерзшее озеро позади здания студенческих братств. При виде этой картины он содрогнулся, понимая, что для оптимального результата ему следует подражать Эли, воспроизвести тот же успешный сценарий, но Виктор не мог… не желал… этого

делать. Ему необходимо было найти собственный способ.

Он оторвался от перил и ушел обратно в дом. Продолжая обходить комнаты, он осматривался и взвешивал. Поразительное дело: насколько многочисленны способы самоубийства, настолько же ограничены варианты тех, где имеется хоть какая-то вероятность выжить.

Одно Виктор Вейл знал точно: он не уйдет отсюда, не сделав своей попытки. Он не намерен возвращаться в квартиру и смотреть, как Эли радостно пилит себе кожу, дивится на это странное новое бессмертие, которое и далось-то ему не так уж тяжело. Виктор не собирается стоять, ворковать и вести для него записи.

Виктор Вейл – не долбаный подручный.

Обойдя дом три раза, он набрал столько кокаина, сколько, по его расчету, должно было хватить для остановки сердца (он точно не знал, поскольку подобной деятельностью никогда не занимался). Покупать пришлось у троих разных студентов: у каждого было всего по нескольку доз.

При четвертом обходе дома, набираясь храбрости, чтобы пустить кокаин в ход, он услышал это. Входная дверь открылась (за музыкой этого слышно не было, но со своей позиции на лестнице он почувствовал резкий сквозняк), а потом какая-то девица завизжала и крикнула:

– Эли! Ты выбрался!

Виктор тихо выругался и отступил наверх. Пробираясь между телами, он услышал собственное имя. Вырвавшись, добрался до площадки второго этажа и нашел там свободную спальню с ванной. На середине пути через комнату он остановился. У стены стоял книжный шкаф – и оттуда, из самого центра, ему в глаза бросилась собственная фамилия, напечатанная заглавными буквами.

Он вытащил с полки массивную книгу о самосовершенствовании и открыл окно. Шестой том из девяти, посвященных эмоциональному воздействию и реакции, упал на тонкий слой снега с приятным стуком. Виктор закрыл окно и ушел в ванную.

На туалетном столике у раковины он разложил все необходимое.

Сначала – телефон. Он набрал сообщение для Эли, но не стал нажимать «отправить», отложив мобильник в сторону. Дальше – шприц с адреналином. Температура у него будет нормальная, так что, надо надеяться, одной дозы достаточно. Организму адски тяжело – как впрочем и от всего того, что он собрался предпринять. Шприц он положил рядом с телефоном. Теперь – кокаин. Вик высыпал все в аккуратную кучку, а потом начал разделять ее на дорожки с помощью карточки из отеля, обнаруженной в заднем кармане: карточка завалялась от зимней поездки, в которую его уволокли родители. Несмотря на воспитание, при котором большинство подростков стали бы наркоманами, Виктор не испытывал особой тяги к наркотикам, однако хорошо представлял себе все этапы – спасибо немалым порциям криминальных фильмов. Когда кокаин был разделен на дорожки (целых семь), он извлек из портмоне долларовую купюру и свернул ее в узкую трубочку, как показывали по телевизору.

Виктор посмотрел в зеркало.

– Ты хочешь жить, – сообщил он своему отражению.

Отражение выглядело не слишком уверенно.

– Ты должен это пережить, – сказал он. – Обязательно.

После этого глубоко вздохнул и наклонился к первой дорожке.

Чья-то рука появилась из ниоткуда, схватила его за шею и отбросила назад, к стене напротив туалетного столика. Виктор удержался на ногах и, успев выпрямиться, увидел, как Эли проводит рукой по стоящему несколько сот долларов кокаину, смахивая его в раковину.

– Какого хрена? – прошипел Виктор, бросаясь за ним.

Но оказался недостаточно быстрым: обсыпанная кокаином ладонь Эли снова оттолкнула его назад, прижала к стене, оставив белый отпечаток на груди его черной рубашки.

– Какого хрена? – переспросил Эли с пугающим спокойствием. – Какого хрена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shvab_viktoriya/zlo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити